

18+

Валерий Коновалов

Куст белого пиона у калитки

Валерий Коновалов

Куст белого пиона у калитки

«Издательские решения»

Коновалов В.

Куст белого пиона у калитки / В. Коновалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560040-0

«Куст белого пиона у калитки» представляет собой сборник рассказов, большинство из которых посвящены теме любви — то есть тому, что является основным наполнением жизни каждого из нас. Особое место в сборнике занимает рассказ «Дом скорби», в котором отражена та сторона советской действительности, с которой читатель, по счастью, незнаком лично.

ISBN 978-5-00-560040-0

© Коновалов В.
© Издательские решения

Содержание

Светлая печаль	6
Репетитор	31
«Пускай восходит день...» 1	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Куст белого пиона у калитки

Валерий Коновалов

© Валерий Коновалов, 2022

ISBN 978-5-0056-0040-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлая печаль

Зимой позвонил председатель и сообщил: соседей на Лесной посетили «гости». На нашем участке следов не видно, но окно на втором этаже открыто. Скорее всего, от ветра. Мы с женой решили не гадать напрасно, а съездить и убедиться, все ли в порядке.

Выехал я в субботу затемно, но в Балашихе все равно пришлось постоять. Летом часы «пик» здесь плавно переходят из утреннего состояния в вечернее, и потому, оставив за собой этот участок Горьковской трассы, я испытал чувство удовлетворения. Ещё подумал: «Всегда бы так». Мечтать не вредно, когда едешь зимним утром по свободной дороге на хорошей скорости, ещё не уставший и бодрый, а по сторонам – стоящие стеной многолетние сосны и ели, перемежающиеся группами берёз, похожих на пасхальные свечи, заснеженные поля, уходящие к горизонту, населенные пункты со знакомыми вывесками «Мы открылись!», «Помпончики», деревеньки с их незатейливыми избами, каждая из которых, впрочем, имеет на окнах наличники, не встречающиеся дважды, сколь ни сравнивай.

Особое волнение ты испытываешь, когда приезжаешь на летнюю дачу зимой: всё странно ново, чисто, будто вымыто; скромные домики стоят как игрушечные, на твоей улице ни следа, кроме редких ниточек с нанизанными на них бусинками от коротко пробежавшей полевой мыши или иного мелкого зверья. Увязая по колено в снегу, добираешься до места. Калитка не открывается, и предусмотрительно взятая автомобильная лопата оказывается как нельзя кстати. Высокий можжевельник у входа в дом под тяжестью снега стоит горбатым великаном. Трясу его, но он выпрямляется лишь наполовину: отвык. Поднимаюсь по занесенным снегом ступенькам на крыльцо. Дверь открывается не сразу: перекосило, так как почва здесь «играет» – глинистая. На веранде с двойными окнами, вставленными в этом году, ждёт неприятный сюрприз – здесь ощутимо холоднее, чем на улице. Это особенность утепленных строений: когда температура снаружи меняется, они, как термос, ещё какое-то время держат тепло или холод. Электричество, слава богу, работает, но быстро прогреть таким образом помещение зимой нереально. Буржуйка же – штука моментальная, главное – растопить её, сырую и холодную. Поэтому, хотя печь заправлена была ещё с осени, пришлось попотеть, прежде чем в трубе не послышался веселый гул. Теперь уже от тебя ничего не зависит, остается лишь поддерживать огонь и ждать. Можно вернуться к машине – забрать вещи, продукты и воду. Совершив две ходки, я включил электрический чайник и стал выкладывать из пакета на стол то, что положила жена. Чай – хорошо, но все-таки без горячего еда на холоде не имеет уже той прелести, и потому я не поленился поставить на плиту сковородку, разбить в кипящее сливочное масло два яйца и положить туда тонко нарезанные ломтики докторской колбасы и хлеба. Так когда-то делал мой отец. Конечно, сейчас уже не было того ощущения полноты жизни, как в детстве, но нынешняя трапеза имела и своё преимущество: прежде чем достать из сковороды пропитанный маслом, покрывшийся золотистой корочкой ломоть хлеба и положить его в рот, я выпил стопку вишнёвки, заготовленной ещё с осени. Нет, как ни крути, но с зимней дороги, когда холод ещё не проник сквозь теплую одежду, пятьдесят граммов ядрёной настоечки делают жизнь куда как заманчивее. И уже бодро обходишь комнаты, с удовольствием прислушиваясь к потрескиванию и пощёлкиванию березовых дров в печи, жаждешь общения и начинаешь разговаривать сам с собой: «Так-с, сейчас печечка раскоцегарится, включим обогреватели – и заживём на славу, ведь так, а? Правильно говорю? А то!.. Ну что, братцы (открываешь дверцы навесных кухонных шкафов), как вы в этом году? Небось, наложили, как всегда, засранцы?» Это о мышах и продуктах их жизнедеятельности. Наконец, разгоряченный настойкой и успокоенный видом работающей печи, ты, вспомнив об утоптанной тропинке на улице Рябиновая, проверив заслонки и убедившись, что дверца плотно закрыта, выходишь из дома...

Тропинка на Рябиновой заканчивалась у двухэтажной, ничем не примечательной дачи и уходила через калитку на участок, испещрённый собачьими следами. Крупный белый симпатичный пёс, выбежавший неведь откуда, залился громким, но совершенно незлым лаем. Отработав положенное, он, наверное уже привыкший к неожиданным посетителям, вылез через дыру в заборе на улицу и дружелюбно завилал хвостом. На его лай из дальнего, одноэтажного строения, очевидно бани, вышел хозяин, вид которого свидетельствовал о его пристрастии к напитку. Одет он был, как и всякий деревенский житель, не придающий серьёзного значения внешности, в старый, кое-где распустившийся свитер, мешковатые теплые штаны и матерчатую обувь на резиновой подошве, которая именуется в народе фразой «прощай, молодость». Добродушное лицо его сначала показалось мне непривычно свежим для столичного жителя – розовым и без морщин, но вскоре я понял, что это происходило от опухлости, которой отличаются серьёзно пьющие. К тому же выдавали и мешки под глазами. Обычно возраст людей, подверженных слабости, нелегко определить сразу, но, думаю, пятидесяти ему ещё не было. Выглядел он хоть и потрёпанно, но довольно бодро. На прошлогоднем, июньском, собрании членов товарищества решено было пойти по должникам, самым зlostным из которых был Герман (так звали мужчину), задолжавший Обществу астрономическую сумму, основной частью которой были неплатежи за пользование электричеством. В состав комиссии был включён и я. Вид участка, противоречащий репутации неплательщика, несколько удивил меня. Фруктовые деревья были аккуратно побелены, тротуарные плиты дорожек очищены от лезущей травы, газон – в идеальном состоянии, ступеньки лестницы, ведущей на крыльцо, подметены, опрятно выглядело и само крыльцо. Несмотря на боевой настрой, женщины обратили внимание на роскошный куст белого пиона у самого входа, любовно огороженный самодельной декоративной изгородью и, видимо, пользующийся особой заботой хозяина. Герман встретил нас такой детской, обезоруживающей улыбкой, что мне в какую-то минуту стало стыдно за наш визит. В подобных ситуациях мужики типа меня прячутся за женщинами, и именно женщины в категоричной форме высказали должнику все, что наболело. Тот смутился, и я вынужден был отметить искренность его смущения, что обычно несвойственно закоренелым пьяницам, раскаяние которых носит больше театральный характер.

Кажется, узнав меня, он чрезвычайно обрадовался. Так бывает с едва знакомыми людьми, неожиданно встретившимися при необычных обстоятельствах.

– Заходи! – гостеприимно и решительно предложил он.

Я принял предложение без колебаний и тут же полюбопытствовал:

– И давно ты здесь живёшь?

Он неожиданно странно посмотрел на меня. Две вертикальные морщины образовались у него между бровями, и мне показалось, что в самой глубине его ставших вдруг серьёзными глаз тлеет уголёк тоски такой силы, что мне стало не по себе. Это было похоже на наваждение, но уже через мгновение Герман улыбался своей обычной, доброй и немного хитроватой улыбкой.

– Приехал на три дня в апреле и вот – до сих пор не могу уехать.

Он говорил об этом почти с гордостью и в то же время как бы смеялся над собой. В жилище его была кровать, два стула и небольшой стол. В углу стоял книжный шкаф, забитый книгами, которые, наверное, никто не читал, так как верх их был покрыт пылью. На полу лежал ковёр, от которого пахло пеплом и псиной. Было темно, тесно, главное же – холодно.

– Ночью не замерзаешь тут?

– А «доброе тепло» зачем?

Герман, хвастаясь, приподнял матрас, и сквозь решетку кровати я увидел светло-коричневое полотно электрического обогревателя.

– Накрываюсь одеялом и сплю. Бывает так, что жарко становится – приходится шапку снимать.

Я хотел было сказать, что такой обогрев, вероятно, обходится в копеечку, но, вовремя вспомнив цель нашего летнего визита к нему, промолчал. Вот, оказывается, куда уходят народные денежки.

– По такому случаю есть смысл на автозаправку сходить, – поторопился предложить хозяин, весело и выразительно глядя мне в глаза. – Я там прекрасную точку знаю. Продукт – чистейший. А не то – так у меня в холодильнике стоит. Местного разлива, но проверенный не раз.

У меня было то настроение, когда подобные предложения не отвергаются, но испытывать прочность своего здоровья местной косорыловкой я не рискнул и потому сказал, что дома у меня есть всё необходимое. Таким образом, через полчаса мы уже сидели за столом и пили из стопок, которые Герман достал, очевидно, для меня. Видя, что я не курю, он вышел на улицу, а я последовал за ним, не желая пропустить остаток светового дня и спеша порадоваться ощущению чистоты, свежести и белому снегу, так несвойственному городскому пейзажу.

– Хорошо здесь! – признался я Герману с чувством, подогретым выпитой наливкой.

– Ещё бы, – ответил он и по-детски искренне предложил: – А ты переселяйся.

– Одному – не скучно здесь? – в свою очередь спросил я.

Опять что-то мелькнуло в его глазах, но он отвечал с тою же доброй и хитровой улыбкой:

– Зачем один? В «Урожае» – адвокат. Вчера отдыхали. В «Теплотехнике» – биолог, профессор, До тебя был. Вечером Джеку костей принесёт. Адмирал из «Сайгона» посещает, и довольно регулярно. Молодежь не забывает.

Список столь блестящих знакомых Германа не удивил меня: в этой среде человек, работавший когда-то в суде курьером, а уж тем более судебным приставом, именуется не иначе как прокурором. «Адвокат»... хм... Я ещё раз окинул взглядом жилище Германа, вспомнил хлипкое деревянное строение в виде скворечника в углу участка, за старой яблоней. Представить себе нашего юриста Володю Трофимова, сидящим там с голой задницей зимой, мне не позволяла даже самая смелая фантазия. Не менее экзотично смотрелся бы и профессор Котляр, собирающий по столовым кости для приبلудной псины. Но кто же такой сам Герман? Взгляд его порой смущал меня какой-то скрытой тайной. Или это только моё воображение, ни на чем не основанное? С одной стороны, он, как и все, подверженные слабости, был весел, иногда даже восторжен, витиеват в речах, но бывали мгновения, когда вот так смотрел мне прямо в глаза, будто рентгеном просвечивал. И тогда в самой глубине его глаз была такая тоска, что – ух! Настоящая, пробирающая до дрожи. Вспомнил, кстати, что на полу, под кроватью, когда он демонстрировал мне «доброе тепло», лежал раскрытый томик Чехова огоньковского издания. Любопытство моё было велико, и я продолжал задавать вопросы в том же фамильярном тоне:

– Герман, а на что ты живёшь, чем питаешься?

Он нисколько не смутился. Ему моё удивление показалось даже забавным.

– А это бестактный вопрос, уважаемый посетитель. Но отвечу: беру в банке, наличными. Разумеется не в стеклянной. Сегодня, например, сходил и снял, чтобы понедельник не ждать. Может, кушать хочешь... поесть? Холодильник полный.

«В банке», – про себя усмехнулся я. Ещё бы сказал, акциями Газпрома владеет.

– Дивиденды получаю, – будто читая мои мысли, сказал Герман. – Одно неудобство, что ежеквартально. Приходится занимать, а я этого не люблю.

Он был немного возбуждён после выпитого, но отнюдь не пьян (обычно пьяницы хмелеют быстро) и потому заметил моё смущение, вызванное недоверием.

– Суммы, правда, не столь существенные, чтобы тут народ с утра толпился, но свободному человеку ведь лишнего не надо, согласись: собаку накормить, самому поесть, с товарищем встретиться. Ещё – зачем?

Вот: и опять в его взгляде почудилось что-то. Он посмотрел на бутылку, в которой оставалась ещё половина, пригладил руками взъерошенные, местами слежавшиеся выющиеся волосы и неожиданно предложил:

– А хотите, я расскажу вам, как говорят беллетристы, свою историю?

В доказательство серьезности своего намерения он перешёл на Вы. Я колебался: пьяные разговоры могут длиться бесконечно и прекращаются лишь тогда, когда заканчивается спиртное, – но ответить отказом постеснялся: ведь сам напросился. Герман кивнул в сторону настойки, намекая на то, с чего полагается начинать любое серьезное дело.

«История», которую он рассказал, произвела на меня грустное впечатление: да, мы догадываемся, что рядом с нами живут люди необычной судьбы. Знать об этом – значит уже не быть столь счастливо покойным, но и забыть – справедливо ли? Может ли человек жить, отгородившись от всего «мешающего», не имеющего отношения лично к нему?... У многих получается... Но вот эта история.

– С моей будущей женой мы стали встречаться ещё на втором курсе, – начал Герман. – Вместе играли в студенческом театре. В МАИ, знаете, очень хороший ДК, и руководитель у нас была – профессионал. Там и познакомились. Ну вот, устроиться по специальности мне было нетрудно, так как тесть был чином в Жуковском, но я, как и многие тогда, поддался соблазну стать капиталистом и в одночасье обогатиться. Молодой задор присутствовал. Сначала, конечно, хотели сварганить что-нибудь из области высоких технологий, но недолго амбиции боролись с соблазном, и мы встали на веками проторенную дорогу купли-продажи. Утешение, что мы продавали средства мобильной связи, а не лифчики, было условным, так как в любом случае речь шла о реализации не созданного тобой продукта. Коротко: дела у нас после адаптационного периода пошли. Денег дал тесть, со своей стороны я ещё и квартиру заложил, товарищ в общее дело внёс интеллектуальную собственность в виде своих мозгов. Иных возможностей у него не было. Мой имущественный вклад даже на распределении предполагаемой прибыли не отразился: всё было на паритетных началах, по-товарищески. В первую очередь было решено вернуть из залога квартиру, потом рассчитаться с тестем. Риск был, многие на этом прогорали, но у нас получилось. Не в малой степени благодаря инициативе товарища, чувствовавшего себя неловко из-за того, что из нас двоих материально рисковал только я. Продажи пошли – мы сняли офис для администрации, которая ранее состояла из тех же сотрудников – меня, моего товарища и моей супруги, доля которой в деле была оговорена при получении кредита от тестя. Стали нанимать персонаж, легализовали бухгалтерскую отчётность. Друг продолжал фонтанировать идеями – мы расширились, и скоро продажа самих мобильных у нас стала не единственной статьёй дохода, хотя мы и это направление развивали, справедливо полагая, что нельзя отказываться от синицы в руках. С тестем мы рассчитались, квартиру из залога выкупили и свободные средства стали вкладывать в ПИФы, и даже сами пробовали играть на бирже. Всё складывалось удачно, и пятнадцать лет прошли, как мгновение. Нет, жизнь бурлила, ни одного дня не проходило в скуке, ни один день не был похож на предыдущий. И всё же эти годы были будто из жизни вычеркнуты. Разумеется, это взгляд из сегодня – тогда не было времени для «философии», которая и в голову не могла прийти человеку, твёрдо стоявшему на ногах. Да, для кого-то это была эпоха надежд, взлётов, для кого – разочарований и даже трагедий. Ну вот, а прекратилось все это безумие (повторяю: я сейчас это безумием называю) тем, что в одно прекрасное утро жена позвонила от родителей и сказала, что уходит от меня.

Герман выдержал небольшую паузу и, усмехнувшись, спросил:

– А теперь догадайтесь – к кому?

– Да-да, – кивнул он, как бы соглашаясь, в то время как я ни слова не произнёс, – именно! К моему партнёру по бизнесу, ближайшему другу...

Поворот был неожиданным, и, хотя на лице Германа не было заметно какого-либо серьезного чувства, кроме обычного возбуждения рассказчика, подогретого вином, я мог вполне представить себе состояние человека, оказавшегося в его положении: жена ушла к другу, которому доверял, – двойное предательство.

Воцарившееся молчание Герман заполнил манипуляциями с бутылкой. На этот раз выпили вместе, и я – уже с большим настроением.

– Сейчас мне несложно описать то, что я пережил, потому как дело давнее, скажу только, что удар был внушительный и скрывать последствия случившегося от сотрудников стоило мне серьезных и мучительных усилий. С другой же стороны – дело, требовавшее постоянного внимания, не давало возможности раскиснуть окончательно.

Не буду отвергать, что с женой у нас ранее были размолвки, ссоры, и подчас серьезные, что не редкость в молодых семьях, она уезжала, забирая с собой ребенка, к родителям, возвращалась. Но я никак не мог предположить, что это может привести к таким последствиям. Наверное, я был слеп, думал больше о себе, не дорожил нашими отношениями, даже в мыслях не допускал такого исхода. Потом, анализируя, я стал вспоминать, что, жалея ее, предлагал оставить работу в фирме, заняться ребенком, но она решительно отказывалась быть «заточенной в четырех стенах»... Кстати, наши ссоры привели к тому, что у меня и с тестем испортились отношения. Он прямо не высказывался, но от дочери его мне приходилось выслушивать упрёки по поводу выданного кредита. Я говорил, что дела у нас пошли благополучно, Но не сразу, и поначалу тестю пришлось понервничать: тот ли я человек, за кого он дочь отдал? Я понимаю его: ладно, если муж жены у него на шее сидит, и совсем иное дело, если зять с ничем не обоснованной тягой кредиты берёт со всех сторон. Он и денег-то мне дал из боязни, что я в долги залезу. Знаете, как бывает у некоторых: берут очередной кредит, чтобы расплатиться за предыдущий.

Герман наполнил свою стопку и продолжил:

– Надо сказать... если честно.. Свой долг я ему так и не отдал, как-то не пришлось...

Что-то вроде смущения появилось на его лице: очевидно, он вспомнил, что задолжал садовому товариществу, справедливо полагая, что долг другу или кредитной организации – это одно, а долг родителям – совсем иное.

– Эти деньги все равно на жену и ребенка ушли. Сам я могу жить достаточно скромно, в отношении одежды непривередлив. Машину, конечно, пришлось купить – и такую, чтобы не было стыдно перед клиентами, да и то больше по настоянию жены. Она в основном и пользовалась этой машиной, пока я ей не купил уже свою.

– Кстати, – сказал Герман, заметив мой сочувственный взгляд, – только не подумайте, всегда желанный гость, что это и есть та история, ради которой я позволил себе завладеть вашим драгоценным вниманием.

Верно, вино подействовало на него, потому что в его речи появились обороты, свойственные людям с «прошлым». Чтобы потешить самолюбие и вызвать к себе интерес, они нередко обнаруживают склонность к «литературщине». Сосед мой также не удержался от соблазна.

– Не раскрываю всю подноготную и пропускаю психологию, связанную с пошлейшим событием в жизни мужчины – наставлением рогов, не взываю и к сочувствию, рассказывая о «страданиях», которые, разумеется, имели место. Все это уже предмет глубокой древности. И, кстати, чтобы не мучить вас напрасно загадками, скажу, что супруга моя, с коей я в разводе, навещает меня регулярно и, можно сказать, поддерживает материально. Только отмечу как факт: страдал и не спал ночами. Вино не помогало, и приходилось прибегать к снотворному. Рассудите сами: иначе нельзя было исполнять обязанности руководителя организации, насчитывающей к тому времени уже более двухсот офисных служащих, не считая тех, кто не числился в штатном расписании.

На работе я теперь засиживался допоздна. Мне и раньше покойнее работалось, когда все уходило, а уж теперь и тем более возвращаться домой было противно. Работал, пока это не становилось уже неприличным: ведь все – от офисных работников до охраны – понимали причину такого самоотверженного труда. Партнёр мой по тем же основаниям сидел в одном из структурных подразделений и в головном офисе появлялся лишь в случае крайней необходимости. Мы общались нарочито «по-деловому». Я даже сам иногда звонил ему по какой-нибудь надуманной причине, будто ничего не произошло. Это не выглядело секретом, но полностью управлять собой я, конечно, не мог: вёл себя так, как многие мужики в моем положении. Товарищ принимал участие в этой неудобной для каждого из нас игре. А что нам было делать? Делить бизнес и расходиться? Раздел бизнеса – операция непростая, требующая трезвого подхода, причина же раздела – психологически крайне неудобная.

В таком кошмаре прошёл месяц. Не знаю, как я выдержал. Спасало меня пресловутое мужское самолюбие, не позволявшее раскисать, и работа, требовавшая постоянной отдачи. Так вот, еду я как-то вечером с работы (часов девять было уже) – и на троллейбусной остановке, в девушке, стоявшей со множеством пакетов из сетевого магазина, практикующего доступные цены, узнаю нашу сотрудницу – Варю Орлову. Кажется, из отдела бухгалтерии. Те, кто работает с клиентами, чаще попадают на глаза начальству, а отдел бухгалтерии – это такое, знаете, особенное место, куда вход праздным людям заказан. Там, не на глазах у любопытствующих, в тиши, совершаются операции, истинный смысл которых известен лишь директору и главбуху. Сидеть, правда, в случае чего полагается лишь директору.

Герман пошутил скорее по традиции, мимоходом.

– На остановке – никого более: видимо, троллейбус недавно ушёл. Я непроизвольно притормозил: среагировал на знакомую женщину, оказавшуюся в затруднительном положении. Она не обратила внимание на остановившуюся машину. Может, просто не подумала, что это к ней имеет отношение, а может, намеренно: мало ли кто предлагает свои услуги девушкам таким образом. Внедорожник у меня был для того времени культовый. Я поморгал ей фарами, стекло опустил пассажирское. Она взглянула рассеянно и равнодушно отвернулась. Но почти сразу опять в мою сторону посмотрела:

– Герман Львович, извините, не узнала! Добрый вечер.

– Добрый вечер. Далеко вам, Варвара? – спрашиваю. – Садитесь – подвезу.

Было видно, что она колебалась:

– Что вы, спасибо, скоро троллейбус подойдёт. Спасибо.

Отвечала неискренне, что в голову придёт, из ложной скромности. Меня это рассердило, и я сказал нетерпеливым, чуть ли не начальническим тоном:

– Ну что вы миндальничаете! Садитесь, раз предлагают.

– А вам по пути? – спросила она, все еще сопротивляясь.

– По пути, по пути, – говорю, выходя из машины, и помогаю ей положить пакеты в багажник.

В дороге она чувствовала себя неловко: наверняка знала мою историю, и это не располагало к разговору без риска коснуться болезненного места и уж тем более к праздному любопытству. Я оценил её чувство такта, но и не помогал выйти из неудобного положения. Спросил, где живёт, как часто покупает продукты в сетевых магазинах, существенна ли выгода, учитывая дорожные неудобства. Она просто отвечала, хорошо понимая, что ответы меня не интересуют. Интересное, знаете, явление с точки зрения психологии: беседуешь с человеком и в общем-то не интересуешься им, потому что своим поглощён. И, на первый взгляд, можно предположить, что беседа тяготит тебя, отвлекает от собственных переживаний, и в то же время боишься остаться один на один с собой. Нет, осознаешь вдруг с удивлением для себя, уж лучше с людьми быть, но только не в одиночестве...

Герман остановился.

– Хм... Впрочем, это я всё тогда так думал, – поспешил предупредить он, очевидно, понимая, что это утверждение противоречит образу жизни, который он ведёт. – Постараюсь объясниться. Но только всё по порядку, извините.

Он закурил, не спрашивая разрешения. Я уже не обращал на это внимание.

– Когда мы подъехали к её дому, я вышел и поднялся с нею до квартиры. Машинально это сделал, без всякой посторонней мысли, как уступаю место женщине в общественном транспорте или у двери пропускаю её вперед. Во-первых, потому что так воспитан, а во-вторых, потому что, повторяю, был более занят своими мыслями и не имел никакого желания вдаваться в рассуждения, прилично ли это, ставлю я себя и Варвару в двойственное положение или нет. А она, видя уверенность, с которой я взял все пакеты и направился к подъезду, уже и не противоречила.

Это был последний этаж хрущёвской пятиэтажки, так что помощь моя оказалась очень кстати. Не простился я с Варварой перед дверью не из любопытства, а опять же – потому что не до этого мне тогда было, и она это понимала. Нам открыла женщина средних лет, но выглядевшая старше, невысокая, такая же худенькая и поджарая и, видимо, очень уставшая, о чем свидетельствовали темные круги под глазами. Сами глаза были живые и ясные, а прямая осанка придавали ей бодрый вид.

– Варенька! А мы тебя ждём – беспокоимся! – радостно, что противоречило её словам о беспокойстве, воскликнула она и позвала так же громко: – Матвей, сестричка наша любимая пришла – скорей иди встречай!

Из дальней комнаты вышел молодой человек лет пятнадцати, полный, с плоским лицом, которое, несмотря на неглубоко посаженные глаза, несколько укороченный и приплюснутый нос, что характерно для «солнечного ребенка», выдавало его родство с Варварой. Наверное, младший брат, подумал я.

– Мм!... Варя!.. – радостно почти крикнул он.

Впрочем, внимание его тут же переключилось на пакеты, которые я все еще держал в руках.

– Мама, это Герман Львович, наш директор и учредитель, – отрекомендовала меня Варвара. – Он увидел меня на остановке и был столь любезен, что предложил свою помощь.

– Наверное, у меня был такой несчастный вид, – улыбнувшись, добавила она и обратилась уже ко мне:

– Герман Львович, – моя мама, Анастасия Владимировна. Вы можете все это здесь оставить.

– Очень приятно. Варенька, а почему ты не предложишь Герману Львовичу чаю?

Я, разумеется, отказался и быстро стал прощаться.

– Герман Львович, – сказала Варвара, когда вышла на площадку проводить меня, – мне очень неудобно перед вами. Вы нам... вы мне очень помогли.

– Не преувеличивайте, Варвара. Идите лучше пакеты разбирать.

Я уже спускался. Она дождалась, пока я не пройду лестничный пролет, и ещё раз попрощалась, слегка наклонив голову:

– Поклон вам и спаси Бог.

«Поклон вам», думал я уже в дороге. Сколько людей – и все, если присмотреться, не похожи друг на друга. Вот хотя бы эта Варвара. Я попытался вспомнить ее на работе, но ничего особенного не пришло на память. Только если то, что, несмотря на ее возраст, она никогда внешне не выделялась броскостью. Лицо – обычное, немного даже бледное, но, может быть, потому, что все светлые девушки, не пользующиеся явно косметикой, кажутся невзрачными. Хотя лично меня это и раньше всегда привлекало какой-то чистотой, свежестью, физической и внутренней, а уж в тот период вид женщины, пользующейся косметикой, меня

почти ранил, вызывая болезненные ассоциации: мне сразу в голову приходили наши отношения с женой.

Я был доволен, что приехал домой позже обычного: меньше времени оставалось до сна. Как всегда, разогрел еду (в основном это были полуфабрикаты), выпил. У меня это в норму уже вошло – выпивать во время еды и потом, сидя у ящика при просмотре информационных программ (иные я не жаловал, потому что все они, как мне казалось, могли коснуться моей раны). Сидел и пил, пока алкоголь не заглушал то, что не отпускало в течение дня. В то время самыми неприятными днями для меня были выходные, когда я оставался наедине со своими проблемами, а самыми, если можно так сказать, желанными – вот такие короткие вечера, когда я мог после работы накачаться коньяком. Думаю, без этого мне выстоять было бы труднее. Может быть, волевому человеку по силам найти выход даже из самого безнадежного положения, но я выбрал самое доступное: ночью – коньяк, днем – работа. И ни на минуту не оставляющие тебя воспоминания прошлого и недавнего, и томительное ожидание любого знака от близкого, любимого человека, ставшего причиной твоей боли, – пусть лишь звонка, который, конечно, ничего бы не решил и, скорее всего, только добавил боли, – ожидание, связанное с эфемерной надеждой, что связь с этим человеком не окончательно потеряна, что ещё может произойти чудо и все вернется. Нет, конечно, я понимал, что произошла катастрофа, но ум мой, как, наверное, у многих оказавшихся в моем положении, пасовал перед сердцем. Человек в отчаянье надеется на иррациональное, потому что ни на что другое надеяться уже невозможно. Верующим, знаете, проще, мне же с этой болью приходилось бороться одному.

Да, помимо коньяка, нашел вдруг я некую отраду в чтении. В 90-е всем нам было не до этого. А тут стал хвататься за все, что раньше спасало – и неожиданно нашел. Представьте, раньше – до института и в институте – я много читал, и разное, а тут вижу, более страницы не могу, даже самых любимых авторов отторгал. А Толстой увлѣк. Ложусь на диван – и целый день читаю. Наверное, потому, что Толстой пишет о том, что в тебе происходит, мучит и не отпускает, то, что раньше не замечал, что не касалось тебя раньше: уже и отчаянье Долли Облонской стало понятно мне как никогда, и Каренин понятен, и оскорбленный Болконский, и мнительный Левин... Удивительный писатель.

Заметив мой взгляд, брошенный на томик Чехова, поспешил разъяснить:

– Это всё тогда было, а сейчас... ну, до недавнего времени, если быть точным, я с Антоном Павловичем сошёлся близко. И чем безрадостней, чем безнадежней судьба его героев, тем более притягательными они для меня были. Но и здесь, знаете, новое мне открылось. Я, конечно, понимаю, что это другой век, социальное неравенство, и потому объяснение многих бед неразвитостью общественных отношений, пресловутой средой. Но не могу согласиться, то есть объяснить могу, понять могу – согласиться не могу с верой в прекрасную жизнь «через сто, двести лет». Читаю «Скрипку Родшильда» – и понимаю: да, как это верно, жестоко, но – верное, настоящее; читаю о героях, которые верят, что когда-нибудь развеется дым серой жизни, нищета отступит перед прогрессом, бездарность перед талантом – человек заживѣт полной жизнью, осмысленной и счастливой, – читаю и жалею их. А как же смерть близких – тех, без которых жизнь твоя теряет смысл? Нет, не будет человек счастлив и через тысячу лет. Верующие, впрочем... но это не про меня.

Я заметил, что уже исчезла эта витиеватость речи и что Герман перестал пить. Впрочем, и бутылка была пуста. Он этого, кажется, не замечал.

– Уже говорил, что я не любил выходные, но праздники – более всего. Праздники были для меня пыткой. Видеть счастливых людей, слушать их разговоры о том, какие подарки они готовят любимым (а теперь я был свободен от этой обязанности), где и как собираются провести праздничный вечер и какие планы строят на оставшееся время, – о, скорее бы закончилась эта пытка и наступили будни, заполненные обычными заботами, когда чужое счастье, душевное благополучие не бросаются тебе в глаза на каждом шагу так назойливо и откровенно!

Почему я вспомнил о праздниках – потому что через неделю у нас должен быть очередной корпоратив. Раньше я и сам ждал этого события, потому что, несмотря на расходы, делать приятное другим, чувствовать их зависимость от тебя – ведь это своего рода удовольствие. Ты даришь людям праздник! С барского... купеческого плеча. Поначалу, когда фирма была скромной, я сам любил выдавать зарплату. До сих пор помню это ощущение мнимой значимости. Исполняешь роль благодетеля, а ведь по сути просто выдаешь людям эквивалент их труда – не более. Но со стороны выглядит именно так: ты – власть.

Теперь же, как вы понимаете, большого удовольствия это неумолимо надвигавшееся событие мне доставить не могло. Однако приходилось терпеть. С напарником мы решили, что начну мероприятие я, а он подъедет позже. Сотрудникам всё было подано под благовидным предлогом, приличия были соблюдены. Зал сняли в «Праге». Дела у нас шли неплохо, и мы могли себе это позволить. Были приняты во внимание коммерческие результаты последнего года, место, занимаемое компанией на рынке услуг, перспективы, ну и не в последнюю очередь настроение коллектива. Когда-то мы отмечали такие даты в офисе, затем стали арендовать небольшие кафе, статус которых зависел от положения дел в компании, ну а в последние годы отмечали, как сейчас говорят, в пафосных местах.

Приподнятое настроение пришедших, их праздничный вид, оживление, взаимные поздравления, тосты – всё это я выдержал. Даже речь вступительную сказал, приличествующую случаю, – с кратким обзором пройденного нами пути, надеждой на большие успехи в будущем. У меня даже хватило душевных сил в шутливой форме высказаться и об отношениях между владельцами компании и персоналом. После второго тоста, который был произнесён уже от имени сотрудников, вилки и ножи веселее застучали по тарелкам и, чтобы ответить собеседнику, сидящему напротив, нужно было повышать голос. Когда оживление достигло положенного градуса, я, не дожидаясь, когда народ, подогретый спиртным, начнет публично выражать свои восторженные чувства уже в мой адрес, и стараясь быть незамеченным, вышел из-за стола, направился сначала в туалет и оттуда сразу в раздевалку. Лишь здесь почувствовал облегчение и, погруженный в свои мысли, не сразу понял, что нахожусь в холле не один.

У зеркала одевалась невысокая девушка, в светлом джемпере, волосами, убранными в светлый берет, темной юбке ниже колен и коротком пальто. Это была Варвара. Она смотрела на меня без любопытства, но с некоторым интересом.

– Добрый вечер, Варвара, – поздоровался я, почему-то страшно обрадовавшись. – Куда же вы? Или только приехали? Какая вы сегодня нарядная.

«Нарядная» – это я машинально сказал, потому что женщины любят, когда им говорят что-нибудь лестное. Комплимент мой был тем более неудачен, что я совершенно не знал её и никогда до этого не обращал на нее внимание. По-моему, она даже макияжем не пользовалась, о чем, впрочем, мне, как мужчине, трудно судить. По крайней мере, яркость женских лиц в такие дни особенно бросается в глаза, а Варвара выглядела довольно скромно для ресторана.

– Спасибо, – поблагодарила она меня за дежурную лесть. – Нет, я домой собираюсь. Всё было очень хорошо. Я и поела – всё было очень вкусно – и даже позволила себе бокал вина.

– Ну уж и поели, – я чувствовал, как мне приятно говорить с ней. – Ведь это только начало. Там и горячее, и сладкое будет. Меню наши девочки составляли. Уверен – постарались. Будете жалеть.

Я был рад, что она так же, как и я, не осталась в ресторане. Она колебалась, не зная, что ответить, чтобы причина не показалась надуманной. Сказала, будто оправдываясь:

– Мне самой жаль. В другое время я бы ни за что не ушла... Вот так.

Но потом, вспомнив что-то и будто желая загладить свою «вину», сказала с хитрым выражением на хорошеньком (теперь я лучше разглядел её) личике:

– Я конфеты украла со стола (она похлопала рукой по сумочке). Брату. Он такие любит.

– Домой сейчас? – спросил я, все ещё не отпуская её и нисколько не думая о том, что моё любопытство начинает становиться неприличным.

Она утвердительно кивнула.

– Да, конечно.

– Ну, тогда сам Бог велел вместе ехать.

Варвара задумалась, не зная, как ей реагировать на моё предложение, на лбу у неё возникли морщинки, что мне также очень понравилось, и я, очередной раз пользуясь правами начальника, уточнил:

– Подвезу вас уже второй раз. Опыт у нас имеется.

– Ну что вы, Герман Львович («Бойтся она, что ли, меня?» – подумал я), я сама доеду, благодарю.

– Ну, как знаете, – сказал я, сразу как-то сникнув и помрачнев, – хорошего вам вечера.

Она заметила моё огорчение и тут же поправилась:

– Герман Львович... если вам... если это действительно...

– Действительно, действительно, – перебил я её, с трудом сдерживая оживленность.

– Согласна составить вам компанию. Вот так, официально, – она улыбнулась. – Но мне неудобно...

– А мне? – прервал я, желая пошутить, но не нашелся, а лишь почувствовал, что смущаюсь.

– А вы не против в таком случае, если мы пройдемся немного? – спросил я, когда мы вышли из ресторана.

Наверное, предложение мое прозвучало как просьба. Время было не позднее, но уже стемнело, и зажженные фонари, светящиеся витрины, праздные люди со своей беззаботностью и почти праздничным настроением напомнили мне ещё раз о грустном. Я подумал о том, что, навязывая Варваре общение, я использую её, чтобы хоть на время приглушить душевную боль. Она, наверное, понимала это и все-таки не отказала. Именно потому, что понимала. Это было неприлично с моей стороны, но у меня не хватало воли справиться с собой. И к тому же, я должен сказать, что было в этой девушке нечто притягательное – успокаивающее, искреннее, чистое, что не может не вызвать доверия.

Я отпустил шофёра, и он, явно довольный, опасаясь того, как бы ему не предложили отвезти домой кого-либо из сотрудников, тут же уехал, пожелав мне доброго вечера. Мы шли по Арбату, и я, ничуть не стараясь найти тему для беседы, стал расспрашивать её о том, как долго она работает в фирме, как устроилась, нравится ли ей у нас. Она так же, как и тогда, понимала, что вопросы и ответы не имели в нашей беседе обычного значения вопросов и ответов. Думая о своём, я рисковал повториться, что, кажется, и случилось. Она и виду не подавала, что заметила. Что ж – раз согласилась своё время на меня потратить, значит и ладно, пусть терпит.

– А знаете что, Варвара: не зайти ли нам куда-нибудь? – предложил я, остановившись на углу дома, в котором располагалось одно из кафе Арбата.

Варвара взглянула на меня серьезно. Хотела было посмотреть на часы, но сдержалась.

– Нет, нет, – поспешил я, почувствовав ее замешательство, – пройдемте ещё немного, до конца, а потом я вас провожу... довезу до дома.

Мы прошли весь Арбат, я взял машину и отвез её домой. Посадил на заднее сиденье, а сам сел рядом с водителем. В дороге мы молчали. Я, отвлекшись на свои обычные мысли, забыл о Варваре и очнулся лишь тогда, когда водитель попросил уточнить адрес. Мы остановились, я вышел из машины, открыл заднюю дверь, но руки не подал, чтобы не ставить ее в неудобное положение, навязывая ухаживание.

– До свидания, Варвара, – сказал я, – хорошего вам отдыха.

– И вам... – она поправилась, – добраться без пробок. Спасибо, что проводили...

Опять поправились:

– ... что подвезли.

Не отвечая, я рассеянно кивнул ей, потому что уже чувствовал свою разъединенность с внешним миром – обычным и тем необыкновенно притягательным, доставляющим мне беспокойство и душевную боль.

Не дойдя до подъезда, Варвара остановилась и оглянулась. Убедившись, что мы ещё не отъехали, она быстро пошла назад, доставая что-то из сумочки. Я дотронулся до плеча водителя, который собирался разворачиваться.

– Герман Львович, – не слишком уверенно, но глядя мне прямо в глаза, сказала она. – Мы завтра едем на экскурсию в Сольбинскую пустынь. Одна из сестер... один человек не смог поехать.

– Вот, – она протянула мне что-то вроде буклета, – это вас ни к чему не обязывает и... жаль, что пропадает... Если вдруг решитесь – завтра в 6.30, метро Бабушкинская. Автобус отходит в 7.00.

Я взял буклет их вежливости, а она тут же ушла, избавив меня от необходимости отвечать.

Дома меня ждала пустая квартира. Сын был у тёщи, в Жуковском, и, думая об этом, я ещё больше чувствовал свое одиночество. Мне казалось, что, будь он здесь, живи мы вместе, – всё было бы лучше, легче. Хотя, наверное, это не так: человеку для полного счастья необходимо всё. Потеряй ты частицу самого дорогого – и до тех пор будешь несчастен, пока частичка эта не воссоединится с целым. Я почувствовал это, когда он приехал ко мне на два дня по своим делам. Нет, жены мне все равно не хватало. Мне казалось, что и сын обделен теперь так же, как я, и это было больно мне. Мне казалось, отдавая свою любовь другому человеку, жена недодавала это чувство ему, и до слёз было жаль его. Но когда я видел сына, поглощенного своими подростковыми проблемами и совершенно равнодушного к тому, что происходило между нами, мне становилось чуточку легче. Сын мой – это тот же я, даже больше, чем я, для него я готов на любую жертву, но сын мой – это ещё и моя жена, и потому, общаясь с ним, я чувствовал эту связь со вторым родным мне человеком. И когда его забирали у меня (а я так воспринимал его перевод в школу в Жуковском), вместе с ним у меня отнимали всё. Мне хотелось сидеть с ним рядом, обнявшись, целовать его, гладить, жалеть, но это было невозможно. Впервые, нельзя лишний раз напоминать, что между мной и его матерью существуют серьезные проблемы. И потом: он бы и не понял такого поведения, потому что давно минул возраст, когда ласки родителей благосклонно принимаются детьми. Мы разговаривали, пока я готовил нам обед. Сын увлекся, а я лишь слушал и наслаждался просто потому, что он говорил со мной. Да, он говорил спорные вещи, и в порядке воспитания или же истины, в порядке отстаивания правильной точки зрения (а она могла быть, конечно же, более правильной, потому что я был взрослый человек) я должен был поправлять его, но я слушал и соглашался. Потому что нет ничего важнее для человека, чем любовь и общение с любимыми, и нет ничего страшнее для него, чем одиночество...

Вечер прошел как обычно: коньяк и беспокойный сон, но утром я, скоро приняв душ и одевшись, сел к компьютеру и узнал всё, что мне нужно было знать о маршруте в Сольбинскую пустынь.

Первую остановку сделал на Ярославке, уже за городом. Заправил полный бак, выпил кофе, съел бутерброд (вместе с дорожным настроением у меня появился аппетит) и ещё раз сверил маршрут. Я так рассуждал: что ж, не встречу девчонку – по крайней мере развеюсь, посетив «святой целебный источник Гремячий Ключ и Сольбинскую пустынь – прекрасный оазис милосердия в зачарованных дремучих вековых лесах».

Уже солнце ярко светило, дорога была почти пустая, по сторонам – слепящий снег полей, лес, чистые, будто протёртые влажной салфеткой разноцветные домики населенных пунктов.

Для чего еду – не знал. Надежда ли отвлечься, отчаяние ли, страх остаться в пустой квартире, в которой всё напоминает о том, что здесь ты был счастлив? Просто еду, мучась настоящим, не видя будущего, страшась вечера – вечера, когда люди, не догадываясь о том, что они счастливы, сидят за столом, ужинают, разговаривают. О чём? Кажется, о пустяках, на самом же деле разговоры их свидетельствуют о главном – они вместе, никуда не надо спешить, рваться, мечтать, потому что мечта осуществилась: рядом с вами близкие, любимые и любящие...

Впереди, в поле, показался новый деревянный храм, а слева – комплекс с надвратной деревянной церковью, у которой стоял большой экскурсионный автобус с номером, указанным в буклете. Я припарковался рядом, но присоединяться к группе сразу не стал, а сначала прошёл к храму, сделал для чего-то несколько снимков и лишь потом решился пройти внутрь комплекса. Деревянная лестница вела наверх, откуда был слышен шум воды. Группа экскурсантов, большей частью женщины, некоторые из которых были с детьми, стояла у подножия, слушая экскурсовода. Я подошёл ближе, и сразу увидел Варвару.

– Преподобный Сергей Радонежский, – торопливо и заученно говорил экскурсовод, женщина средних лет, хорошо и тепло одетая, с сумкой через плечо, из которой торчал провод микрофона – для очищения своей души от скверны удалился сюда и стал молиться за всех нас. Он молился отчаянно и слёзно. И вот, во время одной из таких молитв происходит чудо: разверзся высокий берег Вондиги и устремился вниз трёхструйный водопад, шумный и мощный. И тогда понятен стал Сергию Радонежскому смысл чуда, явленного ему...

Я наблюдал за Варварой. Она слушала внимательно и, как мне показалось, с искренним чувством, губы её застыли в кроткой улыбке.

– Теперь же все скорбящие, в ком угнездились скорбь и печаль, приходят сюда, к Гремячим ключам, чтобы излечить душу омовением в водах этого чудесного источника...

Наверное, почувствовав на себе мой взгляд, Варвара обернулась. Как и тогда, на остановке, ещё поглощённая услышанным, она рассеянно посмотрела на меня, но вдруг как бы очнулась. Радостное удивление, подавляемое смущением, и любопытство было в её взгляде. Я кивнул ей, приложив палец к губам и указав на экскурсовода.

Далее нас пригласили подняться наверх, к ключам, которые своим шумом действительно оправдывали наименование «гремячих». В сильные морозы вода, вырывающаяся из трёх змеиных голов, ещё не успев упасть, замерзает, образуя причудливые ледяные языки. Справа от площадки была устроена купель с помещением для переодевания. В это время оттуда вышли двое мужчин, старый и молодой, готовясь совершить «очистительное омовение». Само место, водопад, настрой приехавших, вид этих мужиков так на меня повлияли, что я вдруг почувствовал себя молодцом на публике. Наверное, и присутствие Варвары в немалой степени способствовало принятию безрассудного решения: ведь до этого я никогда не купался зимой. Бывает, находит на человека такая минута. И тут главное – разумно подождать, когда по здравому размышлению настроение это пройдёт. Я быстро зашёл в раздевалку – и тут же пожалел о своём решении. В раздевалке стоял такой же холод, но уже не было публичности, столь необходимой при совершении героических поступков. Отступать, к сожалению, было уже нельзя. Положение моё усугублялось и тем, что у меня не было полотенца. В машине, может быть, и нашлось что-нибудь подходящее для случая, но я даже сумки не взял. Делать нечего: разделся и обреченно вышел к купели. Мужики уже покинули её и не спеша, побрякивая и пофыркивая, пошли в раздевалку. Очень кстати ободрило меня и помогло, что я Варвару увидел. В общем, окунулся, вспомнил Бога – правда, не так, как верующие вспоминают, а понимаете, в каком контексте. Но виду не подал. Вышел из воды бодрячком, глазом не моргнув. Тут и услышал голос Варвары:

– Герман Львович, а чем же вы вытираться будете?!

Смотрю: в руках полотенце держит. Большое такое, махровое, белое. Отказываться было глупо, ну, я и принял из её рук. Не взял, заметьте, а именно – принял. Но без слов, так как все слова застыли у меня по причине лютого холода. В срубе я растёр свое тело так, что оно у меня почти горело. Ногам только было ужасно холодно: казалось, до сердца пробирает, но подстелить полотенце не осмелился. Ну, ничего, оделся и вышел. Варвара здесь же стоит – ждёт. Взяла у меня полотенце. Есть такой символ, кажется, в славянской мифологии – яблоко. Если даёшь его надкусить девушке – значит в любви признаёшься. А тут полотенце... Наверное, каждый из нас тогда почувствовал что-то. Это полотенце она для своих нужд брала – может быть, тоже собиралась совершить «омовение», а пришлось мне отдать – в определенном смысле жертва. И не яблоко даже – я своё тело обтирал им. Всё – с ног до головы.

– Вы мне, Варвара, бросьте в машину: я постираю и верну.

– Ну что вы, зачем? – отвергла она, сильно смутившись, и даже покраснела. – Я все равно почти каждый день стираю.

Далее маршрут вёл нас в Сольбинскую пустынь. Я предложил Варваре пересесть ко мне в машину, но она сказала, что едет не одна, с подругой, и ей было бы неудобно оставить её. Я не настаивал: в автобусе был экскурсовод, да и люди, наверное, подобрались одних интересов, со мной же – о чём говорить? Не о чудесах же Святителя Спиридона Тримифунтского.

Сольбинская пустынь – монастырь, расположенный в живописном месте, на берегу реки. Ранее, кажется, он был женским, сейчас – это приют для девочек из неблагополучных семей. Нас пригласили послушать концерт, приуроченный к празднику. Юные артисты были очень милы и простодушны, совсем не волновались, так как атмосфера была чрезвычайно доброжелательная. Правда, в зале было прохладно, и меня через какое-то время стало познабливать – вероятно, это был результат незапланированного купания.

Домой возвращались вместе. Варвара и её старшая подруга сидели на заднем сиденье. Наверняка им хотелось поделиться впечатлениями, но они молчали, не желая казаться нетактичными по отношению ко мне. У метро Варвара вышла проводить Анну, так звали её подругу. Я тоже вышел и, пока они недолго в полголоса беседовали между собой, исподволь наблюдал за ними. Отметил, что обе были одеты, как говорится, «благочестиво»: в платках, но Варвара была в джинсах, подруга же её – в длинной теплой юбке. Было в них нечто общее и в манере общения, какой-то особой по отношению друг к другу доброжелательности, но было также видно и существенное различие – в выражении лиц: не потому, что Варвара была моложе, нет – лицо её выдавало характер более живой, открытый, лицо же Анны казалось мало подвижным, глаза если не угасшими, то таящими в себе, как мне показалось, скорбную печаль. К тому же она, несмотря на свой ещё не старый возраст, была почти седая. Черты лица её кого-то напоминали мне. Я заметил это ещё в монастыре, но никак не мог вспомнить, где встречал или видел её раньше. Заметил, что и она иногда отвечала на мой пытливый взгляд.

Наступило время прощания. Они поклонились друг другу.

– До свидания, Анна, – попрощался, приблизившись, и я.

Она впервые за наше знакомство улыбнулась почти незаметной улыбкой, протянула руку и более обычного задержала её в моей:

– Прощайте, Герман...

И тут она, сделав небольшую паузу, назвала мою фамилию.

Я пристальнее всмотрелся в её лицо, глаза, и странная, почти невозможная мысль вдруг пришла мне в голову: Аня?! Аня Завидная?!

Она сделала общий поклон и пошла к метро. Я был поражён. Аня Завидная – ученица из старшего класса, первая красавица выпуска, девушка, в которую я был почти влюблён, ради которой назло всем её ухажерам, любой из которых был статнее, умнее, раскованнее меня, дал себе слово добиться в жизни небывалого успеха и публично продемонстрировать его перед ней и моими ничего не подозревающими соперниками. Конечно, как нередко бывает, школь-

ные увлечения остались в прошлом, лишь иногда всплывая в памяти и вызывая улыбку. После школы жизнь этой девочки, по слухам, сложилась успешно. Ещё в институте она вышла замуж за мидовца и сразу уехала с мужем, получившим назначение в одно из российских посольств. Тогда это круто было, да и сейчас, несмотря на то, что столько деловых людей развелось, считается признаком благополучия. Но та женщина, которую я видел перед собой только что, поразительно отличалась от жизнерадостной, иногда смешливой, иногда насмешливой и надменной красавицы Ани Завидной.

Речь в дороге, разумеется, шла об Анне. Семейная жизнь её поначалу действительно сложилась счастливо. За границей у них родилась дочь. В школу пошла уже в Москве. Когда через несколько лет мужа послали в очередную командировку, выехали без дочери, так как та оканчивала 11 класс. Оставили на попечение бабушки. Была, как и мать, красавицей, прекрасно училась, увлекалась балльными танцами... Всё оборвалось в одночасье... Её обнаружили в подъезде своего же дома. Когда убийцу, совершенно незнакомого парня, спросили о мотиве преступления, тот спокойно ответил: «Слишком красивая была». Вот так: встретил её на улице вечером, проследил, с ней же и в подъезд вошёл. Вероятно, нездоровый человек.

– Только сейчас в себя стала приходить, – сказала Варвара, – Я её ни на день не оставляла. Говорила мне: теперь все равно – жить или умирать. Нет, нет, жить нужно, иначе – грех. Как бы ни было трудно. Вот, теперь нашла занятие – помогать детям-сиротам. Тем держится. Вот – ездим с ней по монастырям.

Герман замолчал ненадолго и продолжил:

– Я тогда тронут был её рассказом, но все-таки своё несчастье мне было ближе, чтобы чужое воспринимать, но потом...

Он опять замолчал. Видно, справиться с волнением ему было сейчас нелегко.

– Потом, гораздо позднее, опять вспомнил... и уже никогда не забывал... А встретиться с Анной мне ещё пришлось, но при обстоятельствах грустных... Об этом после.

Он встал и вышел. Слышно было, как хлопнула дверь холодильника. Вернулся с полуторалитровой пластиковой бутылкой, в которых обычно продают воду, только на этикетке у неё было написано «Винный напиток «Портвейн 777». Я хоть и позволил себе налить, но пробовать не стал. Хозяина это ничуть не беспокоило. Он налил себе уже не в стопку, а в стакан, который принес вместе с бутылкой, и выпил половину содержимого.

– Купание не прошло для меня без последствий, – продолжил он.

Глаза его смотрели трезво, хотя и печально.

– Но ночью температура подскочила до 39. На следующий день, разумеется, на работу не вышел, что в моём положении было очень кстати. Проблема состояла лишь в том, что мы с партнером решили обнулить один из наших счетов, а держать наличку в кассе было неудобно. Договорились, что мою долю он пришлёт мне домой нарочным. Самому, по известным обстоятельствам, приехать ему было неудобно. Нельзя было и через жену передать. Причина – та же.

Пролежав в постели без сна до половины дня, я, кое-как умывшись, пошел на кухню, где у меня хранилась баночка гречишного мёда, съел ложку и, налив в рюмку водки, запил ею мёд. Ничего это, конечно, не помогло. Ни в каких смыслах. Но что-то ведь надо было делать, чтобы хоть как-то отвлечься. В это время послышалось, что кто-то вошёл в тамбур, вставил ключ в замок входной двери... Я ждал этого, и потому всё напряглось во мне от болезненной радости, напрасной надежды и отчаянья...

– Заболел? – спросила она, не уточняя, от кого узнала о моей болезни.

По-деловому, быстро, чтобы сгладить неловкость ситуации, прошла на кухню. Привычным движением открыла кран с водой, вымыла тарелку, оставленную мною со вчерашнего дня, убрала её в сушку, вытерла влажной салфеткой стол, смахнув в ведро крошки, и поставила ведро под мойку. Раздвинула шторы. Открыла холодильник, достала из морозилки мясо,

лежавшее там уже не одну неделю, принесла из коридора пакет с продуктами. И молча стала готовить обед.

Это была моя жена – родной человек, знакомый мне до мельчайшей черточки, и в то же время это была какая-то другая, неизвестная мне, удивительно привлекательная женщина, сделавшая меня несчастным. Украдкой наблюдая за нею, я видел ее открытую шею (мне казалось, сейчас она оголяет ее больше, чем это делала ранее, и больше, чем другие женщины в ее возрасте), ее лицо, накрашенные губы, грудь, выступающую так откровенно, кофточку, которая лишь подчеркивала привлекательность фигуры. Я смотрел на ее руки, которыми она часто ласкала меня, такие домашние и материнские, – руки, которые наверняка теперь ласкают другого, и было невыносимо осознавать, что когда-то принадлежавшее тебе уже принадлежит другому – тому, кто владеет её чувствами, мыслями и в любое время вправе завладеть её телом. Ещё, казалось, вчера и это тело, и душа ее были твоими, ещё вчера мысли ваши были общими мыслями. Ещё вчера. Теперь всё: и то, что она так привлекательна, и то, что одевается со вкусом, ее статная, несмотря на 45-тилетний возраст, фигура, и то, что она стала ходить в фитнес-центр (а я понимал теперь, что это было уже не для меня), – все это ранило меня. После родов она заметно пополнила, что иногда было причиной моих незлых шуток, но именно это сейчас мне казалось особенно привлекательным в ней. Её светлые волосы (бабушка ее была родом из Польши), белесые брови, которые она слегка чернила, внимательные светло-серые глаза, резко очерченные губы (теперь она красила их более обычного), открытая шея, кожа, покрытая веснушками... Всё тело ее было покрыто ими, и в минуты близости я называл её «солнышком», «рыжиком», «лисой», и теперь эти веснушки, как и все её тело, были уже не мои. У неё были широкие бедра и немного полноватые после родов ноги, поэтому часто она ходила в джинсах, сейчас же была в короткой юбке, и это тоже причиняло мне боль. Несмотря на полноту у нее была тонкая талия, и, когда я брал ее сзади (извините за интимные подробности), мне было приятно смотреть на эти бедра, талию, сильную спину с глубокой ложбиной вдоль продольных мышц спины. И вот всё, что было так обычно, так естественно когда-то, теперь беспокоило и заставляло страдать, потому что все это теперь принадлежало другому. Не знаю, скажут: это чувство собственника, – ну что ж, может, и так. Не вижу ничего плохого в том, что два близких человека считают себя собственностью друг друга и заявляют свои права, так как человек этот – часть тебя.

Это было похоже на пытку, и в какой-то момент у меня возникло желание физически овладеть ею сейчас же. Нет, это не было продиктовано страстью – скорее безысходностью, отчаянием: мне хотелось обмануть себя и ещё раз получить доказательство того, что мы не чужие люди. Вероятно, она пошла бы на это из чувства жалости ко мне, и это выглядело бы как подачка и лишь заставило мучиться впоследствии. Я уже готов был сдаться, но в последний момент, когда она сидела на кровати рядом со мной, такая родная и такая чужая, такая женственная, отказался от этого унижения.

– Ты давай не забывай пей лекарства, а то ведь я тебя знаю: чуть лучше становится – перестанешь пить, – говорила она, по привычке наводя порядок в комнате. – Выздоровливай.

А я слышал только слова: «я тебя знаю». Да, знаешь, потому что мы близкие, родные люди, ты – часть меня, и я не могу представить свою жизнь без тебя, не могу и страшусь одного лишь предположения. Я все ещё надеялся, понимая, что надеяться глупо. Да, было понимание, что я обречен, но оставалась соломинка – и я, вопреки разуму, держался за неё. Жена готовила мне обед, и то, что раньше было обычным делом, теперь казалось важным и значимым, потому что выглядело как прощание. Мне было и тяжело видеть её у нас, дома, и в то же время невозможно думать, что сейчас она уйдет, уйдет не просто так, а в чужой дом, к другому, близкому ей человеку, а чужим буду я, и близким будет другой. И мне хотелось, чтобы она поскорее ушла и не мучила меня. И мне хотелось, чтобы прощание наше произошло как можно позже.

Уходя, она бросила на меня быстрый взгляд и поспешно отвлеклась на содержимое сумочки, стараясь не смотреть мне в глаза: я был так жалок, наверное.

Герман допил то, что оставалось в стакане. Взял пачку, не спеша закурил и продолжил:

– Теперь представьте, что деньги мне в тот день все-таки принесли. И угадайте – кто?

– Варвара?! – чуть не вскрикнул я, всей душой надеясь на это, так как уже испытывал симпатию к девушке и сочувствовал рассказчику.

– Она! – подтвердил Герман, вдруг помрачнев и задумавшись.

В глазах его появилась тоска, поразившая меня ранее. Хмель будто выветрился.

– Позвонила главбух – сказала, пришлёт Варю Орлову, потому что живёт, де, на одной ветке со мной.

Когда я открыл ей дверь, она (мне показалось, намеренно) имела вид человека, явившегося лишь за тем, чтобы исполнить свой долг и тут же уехать. Иначе и не могло быть, насколько я понимал её. Поэтому я не дал ей шанса для отступления.

– Проходите, Варя. Рад вас видеть. Раздевайтесь.

Я был доволен, что она пришла. Наверное, во мне исподволь рождалось понимание того, что этот ещё вчера незнакомый человек уже что-то значит для меня, необходим мне. Да, с моей стороны думать так было неприлично, но в несчастье нравственно слабые люди нередко становятся эгоистами.

Варвара исподволь бросила короткий взгляд на вешалку, на которой висели лишь мужские вещи, не решаясь принять приглашение.

– Герман Львович, этот вам, – сказала она, положив на столик в прихожей неприлично пухлый конверт.

– Без чая я вас не отпущу – как хотите, – сказал я и в противоречие с решительным тоном, которым были сказаны эти слова, добавил: – Варенька.

Это «Варенька» прозвучало не фамильярно, как бывает в общении взрослого мужчины, того же начальника, с молодой женщиной, подчиненной, а мягко, просительно, почти униженно. Она колебалась, но я чувствовал, что отказать мне она не сможет, и уже тешил себя надеждой, что общение со мной было ей вовсе не тягостно, что она отличает меня и что отношения наши уже вышли за формальные рамки. Ведь было полотенце, а теперь вот я – в халате. Разумеется, последняя фамильярность в одежде оправдывалась моей болезнью, но всё-таки... Не дав ей шанса на раздумье, я взял из шкафа плечики и помог снять пальто. Затем пошёл в спальню и всё-таки надел под халат белую рубашку.

На кухне, увидев на плите суп, она опять почувствовала себя неловко, но я спокойно, без всякого смущения рассказал о том, что недавно приезжала жена. Заваривая чай и выбирая чашки, я кстати вспомнил, что могу заразить гостью, извинившись перед ней за свой эгоизм.

– Скорее всего вы простудились вчера. Считается, что такая вода (на слове «такая» она сделала ударение) не может быть опасной, но все-таки с непривычки бывают и последствия.

Я понял, что она хотела сказать: да, такая вода не принесет вреда людям верующим, – мы же, нехристи, как я называю подобных себе суетных людей, смотрим на это как на молодчество или моржевание, поэтому божьей «страховки» не имеем.

Я демонстративно облил чашку и ложку кипятком, показывая, что пекусь о её здоровье, и поставил перед ней на стол.

– А может, вы кофе хотите? – вдруг спохватился я.

– Благодарствуйте, я пью чай.

– Хм... «благодарствуйте»... А то у меня есть. Настоящий.

– Нет, спасибо. Чай – это очень хорошо. Мне подруга мяту каждое лето привозит с дачи, так нам на всю зиму хватает. Я и на работу приношу девушкам.

– А мне... А я можно вам привезу мяту с дачи?

Она потупилась, потом улыбнулась и кивнула головой, согласившись.

– У меня ведь не только мята растёт, но и мелисса, лимонник, – ободренный её согласием, спешно и почти возбужденно заговорил я. – Ах да, чай... Он у меня только в пакетиках. Жена пьёт кофе, а сам я, знаете, не гурман. Подкрасишь кипятком – и ладно.

– Ничего, главное не что на столе, а...

Она смутилась, но я понял: главное – собеседник. Это было мне приятно.

Наступило молчание. Варвара, все ещё с опущенными глазами, короткими маленькими глотками пила из чашки, из приличия лишь надкусив печенье. Я любовался ею: её светлыми волосами, чистым лбом, маленьким аккуратным носиком. «Востроносая», подумал я, вспомнив об этом определении у кого-то из классиков. Видя, что она все ещё скована, намеренно бодро сказал:

– Ну что вы стесняетесь! Вот был бы тут мой сын – мигом смолотил.

– Сколько ему лет?

– Тринадцать.

– Вы счастливый человек...

Варя тут же пожалела, что сказала это, но я пришёл на помощь, и тем же бодрым, шутиливо-пророческим и фальшивым тоном предсказал ей и счастливое замужество, и родительские заботы и страхи.

– Я была замужем, – сказала она, ещё больше потупившись, и, поколебавшись, как бы с усилием добавила: – У меня не будет детей.

Меня словно обожгло осознание того, что она делится со мной сокровенным. Мне было и приятно, и крайне неловко за свою болтовню. Тут уже пришла её очередь помочь мне:

– Муж очень хотел детей. С самого начала строил планы: какими они вырастут, как мы вложим в них всё ценное, что в нас есть... Я не виню его и понимаю. Мы поддерживаем отношения. У него мальчик и скоро будет ещё один ребёнок. Я их всех люблю.

Последние слова Варвара сказала с такой светлой печалью, что мне стало не по себе и я на время забыл о собственном горе.

– Нда... – сказал Герман, остановившись взором на бутылке, – заимствую у классиков: «печаль моя светла»... Увлёкся.

Он открутил крышку у бутылки и вновь наполнил стакан. Жестом предложил мне, хотя видел, что я ещё и глотка не сделал. Но сейчас я кивком дал понять, что не отказываюсь. Не пожалел. Хотя вкус «напитка» лишь отдаленно напоминал прежний, «студенческий» портвейн (всего 14,5 «оборотов», а тот, помнится, был не менее 18-ти), все равно настроение, знаете, создалось сразу какое-то, я бы сказал, ностальгическое. В общем, хорошо мне было до этого, а стало ещё лучше. Рассказ Германа держал меня в напряжении, и не было никакого раскаяния, что я задержался здесь. Боязнь прийти в непротопленный дом уже не беспокоила: эх-ма, живём-то один раз!.. Все мы человеки, все мы бывшие студенты.

Отпив из стакана, Герман продолжил своё повествование:

– А вот что, Варя, – предложил я, – когда выздоровею, обещайте сходить со мною в театр. Не знаю, на концерт или ещё там что, но обещайте. В общем, куда ходят воспитанные, интеллигентные молодые, и не очень, люди, когда приглашают девушек на свидание.

Она просмотрела на меня серьёзно и пытливо. Сразу не ответила. Сочувствия не было в её взгляде. Было видно, что она мучилась ответом. Потом, как бы с отчаянием решившись, сказала:

– Герман Львович, извините... ведь я всё знаю.

И, помолчав, добавила:

– На работе об этом говорят. Мне неприятно слушать, но...

У меня больно кольнуло в сердце. Всё фанфаронство исчезло так же быстро, как и возникло. Я будто вернулся в неуютную, серенькую комнату, с низким потолком и маленьким,

тёмным окном. Варвара встала, чуть слышно поблагодарила меня за угощение и пошла в прихожую. Она была в сильном волнении.

Я помог ей надеть пальто, холодно и отрешенно извинился за причиненное неудобство, связанное с потраченным временем, сожалея, что так непозволительно раскис. Даже в таком состоянии нам свойственно ложное понимание мужского достоинства. При прощании, когда я почти неохотно, с большим усилием заставил себя посмотреть ей в глаза, то увидел, что они излучали... простите мне поэтизм в такой обстановке (Герман кивнул на наш стол) ... глаза её излучали необыкновенное тепло и понимание. А слова прозвучали молитвой в светлый праздник:

– Ваше приглашение... мне лестно и... я принимаю его.

Более ни слова... Яркое солнце, заглянувшее в окно, осветило комнату. И потолок уже не был столь низок, как казался, а зеркало на стене отражало лицо человека, в глазах которого была надежда. И боль в сердце отступила.

После этого посещения у меня будто и температура пошла на убыль. Правда, продолжалось это ощущение не более часа, так как приболел я серьёзно тогда. Вот вам и святые источники. Прежде чем лезть в ледяную воду... Впрочем, не суть. Так вот, через три дня, когда меня отпустило, заказал я билеты в п-ский театр, на «Трёх сестёр». Помню, Чехова мечтала поставить наш художественный руководитель. Но это никак не вписывалось в студенческий формат. По традиции спектакли должны были иметь связь с нашей жизнью, вызывать смех, а тут – драма. «Трёх сестёр» мы все-таки поставили. В студенческой общаге живут три девушки, которых называют сестрами, и мечтают прописаться в Москве. На этом строилась вся интрига. Был успех. Но настоящего Чехова мы так и не поставили...

– Настоящий Чехов не на сцене – в жизни встречается, – грустно добавил он.

– Давно я не был в театре. Со студенчества. Специально на метро поехал, чтобы воскресить в памяти то время. Оказывается, в выходной день это может доставить удовольствие. Хоть людей живых увидишь, праздных, беспечных, не озабоченных биржевым курсом валют, уровнем продаж и подобным удивительным мусором. А главное: столько лиц – и все разные, со своими мыслями, радостями, печалью. Мне казалось, можно весь день провести, катаясь в метро и наблюдая за людьми. В театре я также был приятно удивлён. Оказалось, театральная публика ничуть не изменилась: девушки со светлыми лицами и воспитанные; одетые по-бальному женщины, старушки с идеально причесанными волосами, почти аристократки. Мужчины смотрелись проще, но тоже – с физиономиями, соответствующими моменту. Были заметны две-три фигуры божьего вида – с пышными волосами, кто-то и с бабочкой. Женщины, которых сопровождали эти типажи, выглядели уже совсем экстравагантно. Обычно такая характерная публика имеет отношение к театру, или к работникам театра, а может, и к постановщику.

Варвара была одета чисто, почти скромно. Только туфли передела, и зимой это очевиднее подчёркивало изящность её фигуры, поэтому вся она выглядела необычно – празднично и даже эффектно. Мне стало немного стыдно оттого, что здесь, в театре, я обратил внимание на её внешность, очень привлекательную для меня как мужчины. Впрочем, более всего меня занимало её лицо. Нечто восторженное было в нем. Чувствовалось, что внутреннее состояние этой девушки определялось атмосферой театра: она была взволнована предстоящим спектаклем, своим участием в этом необыденном для неё событии, видом публики, настроенной на праздник. В купленной мною афишке она прочитала состав и, видимо, имела представление о каждом артисте, даже о дублёре. Я с интересом наблюдал за нею, потому что для меня она была человеком из другого мира. Я понял это ещё в Сольбинской Пустыни и здесь также находил доказательства. А что чувствовал я? Мысли мои, как и всё последнее время, скакали с одного предмета на другой. До того, пока не погасили свет, рассматривал публику, сидящую в первых рядах, в амфитеатре, ложах. Раз поймал себя на том, что высчитываю количество лысых и сохранивших волосы, затем – бреющихся и бородатых... За ходом пьесы также следил

с рассеянностью и всё больше наблюдал за Варварой. Она, не отрываясь, смотрела на сцену. Даже не замечала мой часто прямой взгляд. Лишь раз заметила – и улыбнулась, веря, что я чувствую вместе с ней. В эту минуту она положила свою руку на мою, лежавшую на подлокотнике. Сделала это, очевидно, машинально, не осознавая, и я, до тех пор пока она не отняла её, сидел неподвижно, боясь помешать ей смотреть пьесу. Почувствовал, что эта рука напряглась, когда Маша, одна из сестёр, декламировала в забытьи: «У лукоморья дуб зелёный...» – и тут раздался выстрел. Та же светлая печаль, которая так привлекала меня в ней, была в её блестящих глазах.

От метро мы шли пешком. Впечатлениями, которые произвел на нас спектакль, мы не делились: я – потому что мог наговорить то, чего не следовало, стараясь быть оригинальным, Варвара – уже отошла и, вероятно, думала о другом. Мне казалось, она думала обо мне, или о нас. Пошёл небольшой лёгкий снег. Заметно потеплело, но слякоти не было. Вообще, было очень хорошо вот так идти, молча, зная, что тот, с кем ты идёшь, думает о тебе, а ты думаешь о нём, и мысли эти – приятные, печальные и светлые.

У дома остановились. Постояли немного. И тут она произнесла слова, ранившие меня, но показавшиеся чудесными:

– Вы подарили мне необыкновенный вечер, и... И я не знаю теперь, как мне жить дальше.

А я ничего не мог ответить, потому что вдруг почувствовал большую ответственность, лёгшую на меня. Ответственность эта не испугала меня, мне было удивительно хорошо, и в то же время совесть говорила мне: а имеешь ли ты право вторгаться в чужую жизнь, спасая себя, насколько порядочно это и не подлость ли? Но голос совести был слабее эгоизма: я наклонился и, взяв её за руку, поцеловал в щёку. Она не ответила, но и не сопротивлялась. Тогда я наклонился ещё раз и поцеловал – в висок, глаза, опять в щёку, не в губы. И после этого, спеша, в радости и смятении ушёл. А она так и осталась стоять у подъезда. Через какое-то время я оглянулся: она все стояла, закрыв лицо руками. Я ускорил шаг.

После этого вечера жизнь моя пошла по-иному. Это все почувствовали. Жена, как мне показалось, теперь с особым вниманием осматривала квартиру. Особенно кухню и спальню. Разумеется, ничего, кроме обычной небрежности, которая характерна для мужчины, оставшегося без женского надзора, заметить не могла. В ее любопытстве была даже некоторая ревность. Товарищ заметно повеселел, хотя чувство неловкости было ещё прежним с обеих сторон. Вот, на работу я ходил уже не такой подавленный, и мне не нужно было скрывать своё горе, потому что оно как бы ступсывалось, а насущным было понимание того, что за две стены от тебя сидит человек, вдруг ставший близким, человек, от которого идёт направленный на тебя поток тепла и светлой печали. С утра я сидел за рабочим столом у себя в кабинете, звонил, отвечал на звонки, задавал вопросы сотрудникам, отвечал им, но напряжение до тех пор не покидало меня, пока я не убеждался, что Она уже здесь. Это могла быть «случайная» встреча в коридоре, произнесение кем-либо её имени, мелькнувшая в проёме двери знакомая фигура. Иногда я сам звонил главбуху и, разговаривая, прислушивался к звукам в надежде услышать её голос или её имя. Но когда я убеждался в том, что она на месте, успокаивался, и тогда работа шла весело и споро. Теперь я уже не сидел допоздна, как раньше, а ждал, когда она выйдет, и провожал её. И мы уже целовались при расставании «по-настоящему», хотя больше всего мне нравилось целовать её глаза, лоб, скулы, виски и лишь потом губы и шею. Это было удивительное, странное время, когда я чувствовал, что летаю и боюсь опуститься и встать на землю. Я был в каком-то болезненно-счастливом состоянии: горе и счастье сошлись в одной точке, и центром их встречи было мое сердце. Совесть иногда испытывала меня: а как ты поступишь, если жена предложит тебе начать все заново? Нет, уходил я от ответа, потому что боялся за себя. Состояние моё было столь возвышенно прекрасным, что я даже не делал скорых попыток сблизиться с ней физически. Проблема была, правда, ещё и в том, что дома у неё я бывал, а ко

мне она ни за что бы не пошла, я это чувствовал, потому и не пытался приглашать. Но когда-то это должно было произойти, и я предложил ей взять воскресный тур за город. Разговор до этого был довольно живой, но тут она задумалась. Я и сам чувствовал некоторое смущение: да, мы взрослые люди, но проза жизни как бы оскорбляла чувства, которые мы испытывали друг к другу. Тогда я предложил ей взять с нами Матвея и увидел, как ей это было приятно. Она вся засветилась от удовольствия. Так, потихоньку мы становились семьёй.

Взяли два номера и время провели чудесно. Были беспечны и веселы. Гуляли в лесу допоздна. Знаете, как хорошо гулять зимой, когда ты тепло одет и всё думаешь о своём, а лучше, когда гуляешь с близким человеком и тоже всё думаешь, думаешь? Спать идти не хочется. И столько надумаешь всего, что, когда приходишь домой, не можешь уснуть сразу. В первый день брат быстро устал – и от новых впечатлений, и от прогулки. Мы отвели его в номер, где он вскоре и уснул. А мы долго ещё гуляли, и, когда хлопьями пошёл снег, каждому стало и «светло» и «печально» оттого, что возвращаться все-таки надо и придется проститься с этой красотой, и очень хотелось надеяться, что было это не последний раз и ещё будут в нашей жизни такие ночи, снег хлопьями, фонари... Она проверила брата, поправила его постель и пришла ко мне в номер. И это было прекраснее и прогулки, и снега, и фонарей... Она беспокоилась за Матвея, и я, видя это, отпустил ее. Она ушла, а я ещё долго не спал – лежал и смотрел в окно, за которым шёл снег... Мне было так хорошо, так покойно и одновременно так печально. Ничего нет ближе душе человека, естественнее, чем эта печаль...

Конечно, не всё складывалось безоблачно для меня: ведь отрезать по живому невозможно в одночасье, а я только приглушил боль новым чувством, да и в глубине этого чувства постоянно сомневался, и потому даже теоретическая возможность предательства по отношению к Варваре очень тревожила меня. Главное же, что, с моей точки зрения, неразрешимо было в принципе, – это сын. Невозможны покой и счастье человека без его чад...

Тут Герман остановился, как бы смутившись. Что-то вроде укора совести отобразилось на его лице.

– Конечно, я имею в виду человека совестливого... не опустившегося... (он подбирал слово) трезвого, во всяком случае.

Возникла пауза, во время которой он очередной раз отпил из стакана. Я заметил, что он не особо налегал на свой «винный напиток», очевидно желая договорить до конца то, что обещал, и не желая испортить впечатление о том, что ему было ещё дорого. Поэтому и старался держать себя в форме.

– Вот, в такой ситуации естественно возник вопрос совместного быта, хотя бы в выходные дни. Сначала я думал снять квартиру, но съёмное жильё постоянно бы напоминало, что связь наша эфемерна, и потому я стал рассматривать вопрос приобретения совместного жилья. Проблема заключалась в том, что необходимой суммы у меня на тот момент не было: деньги крутились в деле, а личных сбережений у меня не было, так как все они уходили на содержание семьи. Да и московские цены на квартиры не радовали, поэтому был рассмотрен вариант ближнего Подмосковья, по нашей же ветке метро. Состоялся разговор с компаньоном – первый серьезный на эту тему после всего случившегося. Я сказал, что нуждаюсь в серьезной сумме. Подумали вместе. Вопрос был непростой, но и отношения того периода были непростые. Тут всё сошлось, хотя вслух не произносилось: и то, что первоначальный капитал был предоставлен мной, и то, что мы были всё ещё друзья, и чувство его вины передо мной... Свободного обсуждения с его стороны все равно не должно было получиться. Не мог он задавать вопросы типа: «А вдруг ваше чувство не пройдет испытаний»? Трудный был разговор. Не в смысле разрешения финансовых проблем, а психологически трудный. Но в итоге, вариант с Подмосковьем был отвергнут: сам товарищ предложил взять квартиру в Москве. Для этого было решено (опять же – по его предложению) закрыть одну из наших программ, изъять оттуда средства, а мне отказаться (уже по моему настоянию) от части дивидендов до полной выплаты долга.

Так что, видите, друг вернул мне то, что должен был вернуть, чтобы избавить себя хотя бы от комплекса должника. Не внести долю в общее дело да при этом жену увести у друга – с этим, знаете, совестливому человеку справиться нелегко.

В общем, я был счастлив, насколько может быть счастлив человек, не имеющий возможности видеть сына ежедневно. Ездил к нему в Жуковский, а он иногда приезжал в Москву: здесь у него друзья остались ведь. И сюда, на дачу, с Варварой ездили. Я эту дачу когда-то, на первых порах, когда в средствах был ещё стеснён, купил, а потом забросил, потому что уже не до того было. Ну, она, Варвара, дом весь вычистила, насадила тут цветы.

Герман остановился (очевидно, вспомнил о чем-то), но быстро справился с волнением:

– Всё о пионе беспокоилась, что у калитки растёт: с трудом приживался. Очень радовалась, когда зацвел. О том, что далеко сюда добираться, говорила: зато здесь экология другая, и человеку все равно ведь, где жить, не это главное. Я догадывался, что она хотела сказать: дескать, живём «здесь» временно, а вечная жизнь – впереди, и потому стоит ли печалиться о несерьёзном? Всё это: и город, и расстояния, и поле, и ты, и я – едино и вечно. Не заводила она со мной разговоры об этом, но ничто больше, чем её молчание, не заставляло меня задумываться. Знаете, когда начинают назойливо что-то проповедовать, пусть даже самое верное, – невольно в тебе рождается отторжение. Потому я никогда не сочувствовал ни насмешкам атеистов, ни проповедям верующих. Варвара, хоть я и подозревал в ней религиозные чувства, никогда этой темы не касалась в наших разговорах. Я, конечно, остался прежним, так сказать, нехристом, но благодаря ей уже смотрю на некоторые вещи иначе.

Герман задумался.

– Знаете, мне кажется, люди, посещающие храмы, но недостаточно верующие, общаются там больше не с Богом, а с ушедшими: им может казаться, что души близких в это время витают над ними, молящимися. Произносишь «Отче наш...», а имеешь в виду: «Спасибо тебе, Господи, что дал возможность встретиться с дорогим мне человеком. Я чувствую, что не одинок, что имею возможность ещё и ещё раз попросить прощения у тех, перед кем виноват, и я верю, что они слышат, видят меня, чувствуют мою боль и страдания... Простите меня, родные, любимые... и знайте, что жить без вас...»

Последние слова Герман проговорил с трудом. Зубы его были стиснуты, на скулах обозначились желваки, лицо покрылось морщинами, так что даже мешки под глазами было не различить. Сузившиеся глаза блестели. Я терпеливо ждал, когда он успокоится. Не притронувшись к вину, Герман продолжил:

– Время, проведенное здесь, в отпуске, было самым счастливым для нас. Весь день с самого утра она занималась цветами, вечером гуляли в поле или по деревне, ходили на родник, где была даже часовенка и везде висели тряпочки или платочки, которые вешали люди после омовения. Считалось, что так можно избавиться от болезни. Я познакомил её с бабой Юлей, деревенской жительницей, у которой когда-то брал козье молоко для семьи. Судьба бабы Юли вызывала во мне глубокое сочувствие. Сын её, инвалид, умер лет десять назад, а до этого она лет двадцать была для него единственной опорой. Он редко сидел на кровати, чаще же лежал. Заболел, вернувшись из армии, где служил на подводной лодке. Может, в этом и крылась причина его болезни. Всё хозяйство лежало на матери, которая и сама нередко лежала с высоким давлением. И тем не менее она держала козу и по сей день сама обрабатывал огород, «садила», как они говорят, картошку, ухаживала за садом. С дровами помогала местная администрация и родственники. В платочке, маленькая, шустренькая, всегда с глубоким, искренним сочувствием к каждому. Она помнила, как звали всех, кто брал у неё молоко, – их детей, родителей, родителей родителей, и всегда спрашивала о них, радуясь успехам, печалась неудачам. Я навсегда запомнил, как привёз ей как-то гостинец – шоколадку. Ведь жила она очень скудно, и шоколад был для нее лакомством. Так вот, баба Юля отказалась от гостинца с каким-то даже испугом:

– Ой, Герман, что вы, как же я чужое возьму! Нехорошо это, как же. Ведь сама я себя обслуживаю, спасибо, милый. Вы сыну отвезите уже.

В атмосфере 90-х, когда каждый выживал, как мог, и нередко за счёт других, это было странно, потому и запомнилось мне до сих пор. Наверное, с таких женщин пишут своих Матрён наши писатели. Имей я талант, достаточно было бы рассказать о жизни одной только бабы Юли, чтобы предъявить как оправдание всей своей жизни.

Баба Юля, между тем, догадываясь, кем мне приходится Варвара, с любопытством рассматривала её. О моих непростых отношениях с супругой она знала, да и, наверное, с матушкой моей, жившей с внуком на даче, пока он рос, имела долгие беседы. Знаете, женщина с женщиной всегда поделится, иногда и лишним. Я это всегда по её сочувственному взгляду понимал, когда за молоком приходил.

Оставив бабе Юле две пачки геркулеса, которым она кормила собаку, сахар, подсолнечное масло (сверх того она не принимала, хотя я уже приучил ее к редким подаркам), мы стали прощаться. Я вышел, а Варвара задержалась ненадолго. Я не стал спрашивать о причине её задержки: думал, сама скажет. Но она промолчала, и спрашивать об этом позже было неудобно.

– Какая необыкновенная женщина, – сказала Варвара, когда мы шли обратно. – Такая судьба у неё, и столько в ней терпения. Я теперь, наверное, о ней всё время думать буду.

– Я о всех думаю, – как бы виновато добавила она. – И жалею.

– А меня? Меня жалеешь?

– Отчего? Ведь я с тобой. А баба Юля одна. И сына она похоронила. Такое трудно вынести, я знаю. Ей поклониться надо.

В тот день мы, как всегда, гуляли долго. Ночь была превосходная: звёздная, тёплая, безветренная. Пряные запахи, исходившие от цветов, высаженных у домов, мимо которых мы проходили, волновали нас и не оставляли, преследуя, ещё долго, пока мы не заснули, счастливые счастьем своей близости и покоя.

Утро было столь же восхитительным. Солнце не парило, как днём, а здешний утренний воздух способен взбодрить даже немощного старика. Как хорошо жить, если ты принимаешь этот мир в его полноте и многообразии: и снег, и непогоду, и это солнце, и этот куст пиона, и эту женщину, этих только что народившихся, смешных, крохотных лягушат, неожиданно часто попадающихся тебе в августе!

– Хотя, – Герман первый раз засмеялся каким-то неестественным, «деревянным» смехом, – умиление моё не относится к комарам и слепням. Тут христианского смирения недостает.

Веселость его прошла так же быстро, как и возникла.

– Поливаю цветы и вижу: в калитку входит Варвара. Оказывается, она уже давно встала. Пришла – такая торжественная, такая счастливая. Говоря высоким слогом – свежая, как утро, и ясная, как солнце. Представляете: не сказав мне ничего, отстояла воскресную службу в нашей церкви. Вместе с бабой Юлей. Ну ладно: и ей хорошо, и мне не помеха. И даже приятно: все-таки я старше и умнее её (по крайней мере, так считал), но было в ней то, что мне природа недодала и что ставило её в моих глазах выше меня. Так мне казалось. Так я думал. И так оно и было. Время провели мы великолепно, и на следующий день собрались домой. Дождя не было три дня – она перед отъездом цветы полила... Свой пион...

С этого момента Герман как-то сник и стал говорить заметно медленнее. Выпил оставшиеся полстакана и сразу же вылил туда остаток, с сожалением и даже с раздражением посмотрев на пустую бутылку. То же раздражение вызвала у него пачка, в которой оставалась одна сигарета.

– Выехали мы, когда дорога ещё свободна была. Можно сказать, летели.

Он остановился. Закурил, глубоко затянулся и как-то отрешенно произнёс:

– И прилетели.

Сделал ещё одну затяжку, выпустил густую струю дыма, уже не беспокоясь обо мне. Я настороженно ждал: что-то недоброе и тревожное почудилось мне в его молчании. Он заговорил быстро и сбивчиво:

– Когда-то здесь были неважные дороги, и аварий почти не было: по ямам не разгонишься... Ехал я за 140... Суть не в этом. Как всё произошло, до сих пор понять не могу. Отвлёкся – а на что? Преступно отвлёкся. Ощущение дороги потерял. Ушёл, кажется, вправо... По левой полосе обойти – надо было пропустить машину, а я стал обходить по правой. И вдруг вижу: иду прямо на припаркованный длинномер! Если бы он на обочине стоял, а то почти на самой полосе. Без аварийных знаков и сигналов. Впрочем, точно уже не помню. Всё равно бы не успел. Я руль вывернул резко влево – меня закрутило и через третью полосу на встречу вынесло. Попытался вернуться, но уже понимаю: машина меня не слушается – и мы летим... Мы сами по себе, а машина сама по себе... Два раза перевернуло... Только крик услышал: «Ва-а-ря!!!..» Не мой голос, чужой...

Вытащили меня из машины, уложили на обочине, а я всё кричу: «Варя!.. Варя!..» Мне тоже кричат: «Лежи – не двигайся! Ты в горячке! Может, перелом у тебя! Сейчас скорая подъедет!» И тут я сознание потерял и уже, как меня грузили, не помню...

Что она погибла сразу, узнал, когда в себя пришёл...

Герман оскалил стиснутые зубы, часто задышал.

– И тогда я молиться стал. Не знаю, как это назвать, но, пока лежал, все смотрел в окно на небо и, не переставая, шептал: «Прости, прости, дорогая, нет меня больше без тебя... Господи, даруй ей царствие небесное... это я убил её, оплатил за любовь ко мне... нет мне прощения. Всю жизнь свою буду любить тебя, всю жизнь мучиться и помнить... мучиться и помнить...». Небо было голубое, бездонное, по нему плыли облака: большие – дымчато-голубые в середине, по краям – освещённые солнцем, золотисто-белые, а я всё шептал свою молитву: «Дорогая, нет мне прощения, и нет жизни без тебя... Ни жизни, ни смерти...»

Он задумался и, будто собрав покидающие его силы, заговорил так же быстро и раздражённо:

– Я ничего не понимаю в жизни. Я жил, стараясь удержаться за образование, материальные блага, карьеру, семью, любовь, а теперь вижу, что ничего не понимаю: для чего я родился, почему человек теряет близких людей, почему страдает? И если он в итоге превращается в пыль, зачем всё это?.. Зачем, если, как говорил кто-то, из тебя «будет лопух расти»? Из страха потерять жизнь раньше положенного? Не понимаю и потому не могу жить, не думая об этом. Варвара объяснила бы... Она умела объяснять так, что я понимал, а теперь не понимаю...

– Вот, – подытожил он, очевидно устав от эмоционального напряжения, – теперь, как видите, существую и здравствую, и ничего со мной не случилось трагического. Бог даст, здесь и умру... Тут хорошо... соловьи поют... куст у калитки растёт...

– А как жена твоя? – спросил я, видя, что Герман быстро слабеет, и спеша удовлетворить своё любопытство.

– Жена?... – как бы очнулся он. – Жена – ничего: посещает... продукты вот. Долю в уставном капитале я ей передал: мне теперь это ни к чему. Акции – тоже. Так... мелочь... сыну на образование.

– А что же семья Варвары? – не унимался я.

– Семья Вари? Се-емья-а... – задумался Герман и, с усилием отгоняя одурь, тряхнул головой: – Этот грех со мной навсегда... Не замолить... Вторгся непрошено, сделал несчастными... Деньги – те, на которые мы квартиру хотели приобрести, попросил перечислить её матери... Жена с компаньоном не возражали. Поняли... правильно. На высоте оказались. Во-от...

Он будто вспоминал что-то:

– А приезжал ко мне один человек... Хороший человек... Мечтал когда-то в сиянии лучей пред ним явиться, а пришлось... сами видите... в неприглядном, далёком от божественного сияния виде... И хочет этот человек... то есть даже уверен, что «спасёт» меня...

Герман вдруг рассердился:

– Но я не хочу! Не желаю!.. Совесть ещё не потерял!

Истратив на эту вспышку последние силы, почти шепотом сказал (мне ли, себе?):

– Про «спасение» я сам догадался: она ведь слова не сказала. По глазам догадался... Знаю я эти глаза: печальные, но не погасшие... живые... Такая вера в них была!.. Долго мне снились...

Он попытался встать, но его качнуло, и я вызвался помочь ему.

– Н... не надо... лишнее. Сигареты – где?

Он уже с трудом поддерживал разговор. Сломался, как говорят.

Я пошёл на автозаправку, а когда вернулся, меня уже никто не встретил. Герман, не раздевшись, спал на кровати. Рядом на ковре лежал пёс. Он шевельнулся, не поднимая головы, вяло стукнул хвостом об пол, глубоко вздохнул и шумно, с пузырями, выдохнул через сизую нижнюю губу, обнаружив белый клык. Я положил пачку с сигаретами на стол и вышел.

Подморозило. Небо было ясное, звездное, снег покрылся тонкой сахарной корочкой, и края тропинки, по которой я возвращался домой, надламывались, если нога не попадала в след. Печь уже остыла, но было тепло, так что пришлось даже отключить одну из клавиш на радиаторе в комнате, где стояла кровать. Спать не хотелось, я вышел на улицу и ещё часа два ходил, думая о том, что рассказал мне Герман.

К утру температура в доме упала, но подтапливать уже не имело смысла, так как надо было уезжать. Подкрепившись на дороге чаем, я отключил свет на щитке распределителя, вылил из жёстких ёмкостей воду, проверил окна, закрыл на замки входную дверь, калитку, прощальным взглядом окинул дом, деревья, скамейку, стол, снег, лежащий на скамейке, столе и мангале слоёным пирогом, рукотворную дорожку до крыльца, крышу, трубу с подтёками сажи, небо и налегке отправился к оставленной у ворот машине.

Проезжая мимо Свято-Успенского храма, который стоит на дороге, я вспомнил, что должен занести туда кое-какие носильные теплые вещи, отобранные женой в результате ежегодной ревизии платяного шкафа. Было воскресенье, утро. На небольшой стоянке у дома настоятеля мест уже не было, и я припарковался на обочине противоположной стороны. На возвышении, на паперти, сидела цыганка с ребёнком, а чуть поодаль стоял молодой человек в давно не стиранной пуховой курточке, лоснящейся на рукавах и боках, в обвисших на коленях штанах, кроссовках, хорошо ношенных и не чищенных, наверное, с момента приобретения. Лицо его, впрочем, было довольно чистое, почти свежее, но выдавали глаза – воспалённые, слезящиеся. Волосы белокурые, нечесанные и, разумеется, немытые, как и руки с грязными ободками ногтей. Я замешкался, соображая, что мне делать дальше. Парень понял это по-своему и сделал шаг в мою сторону, но, убедившись, что ошибся, без сожаления вернулся на прежнее место. Очевидно, он ждал кого-то, потому что с нетерпением поглядывал на выход из церкви. Поднявшись по ступенькам, через открытые настежь двери я вошёл во вместительное помещение с высоким сводчатым потолком – приступ. Здесь можно было увидеть расписание богослужений, объявления о паломнических поездках, познакомиться с работами детей воскресной школы прихода. Подняв голову, на одной из стен я прочёл цитату из Евангелия: *«В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир»*, а над входом уже в саму церковь другую – написанную полукругом: *«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»*. Было тихо, за дверью слышался голос священника. Я вошёл. Убранство храма, непривычно для редкого посетителя высокие потолки всегда поражали меня контрастом с внешним окружением: городок неказистый, безликий, малонаселенный, не отличающийся особой религиозностью, и в этом-то захолустье – церковь Успения Пресвятой Богородицы, стоящая

как бы памятником былой силе народа – духовной, физической, материальной. По преданию, деревянный храм сожгли ещё при татарах. Восстановленный, он был вновь уничтожен в Смутное время, и до начала последнего строительства местными жителями здесь был установлен деревянный крест. Современный же вид храм приобрёл более века назад благодаря стараниям Ивана Павловича Кузнецова, промышленника и предпринимателя. В мои редкие посещения храмов во время богослужений меня всегда поражали торжественность момента, лица прихожан – такие же чистые и торжественные, светлые и умиротворенные в предчувствии праздника. Ощущению чистоты способствуют и белые платки на женщинах, праздничные, часто также белые, идеально чистые блузы. И откровением для меня каждый раз становилось понимание, что наряду с той жизнью, которую ведём мы, есть и другая жизнь, насыщенная своей духовностью, отличающаяся искренностью и простотой, пусть даже только во время подобных действий.

Между тем, взгляд мой привлёк мужчина, стоявший позади всех спиной ко мне. Он не крестился, а, опустив голову, кажется, думал о чём-то своем. Фигура его показалась мне знакомой. Ну да: коротко стриженные, нечесанные волосы, кое-где слежавшиеся, клоками покрывали его голову, худые плечи, несмотря на зимнюю курточку, ясно обозначались. Из-под рукавов куртки были видны истёртые манжеты старого свитера... *«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...»*

Служба кончилась. Я справился у служки, где можно оставить принесенные вещи, вышел из храма, перешёл дорогу, сел в машину, но из любопытства не отъезжал, дожидаясь, когда появится Герман. Он вышел – не перекрестившись и не поклонившись при выходе. Парень, встретившийся мне ранее, тут же подошел к нему. Они о чем-то оживлённо и скоро переговорили и пошли прочь с видом людей, уверенных в своих дальнейших действиях.

Репетитор

Сергей Алексеевич, молодой специалист, филолог, подрабатывающий частными уроками, пришел домой расстроенный. Дело в том, что его первый ученик, подстриженный под ирокез, начинающий уже бриться мальчик Тёма, оказался хоть и смышлёным, но крайне невнимательным молодым человеком. В течение всего занятия Сергея Алексеевича не покидало чувство, что его подопечный одержим некоей идеей, которая не давала ему сосредоточиться на случаях обособления распространенного определения, имеющего добавочное обстоятельственное значение. Знакомство Тёма начал со странного вопроса: «А правда ли, что на Олимпиаду истрчено 1,526 триллиона рублей?» Весь урок он ёрзал на стуле и даже попросил поменяться с ним местами под предлогом, что ему удобнее писать, когда свет падает слева; ручка в его руках имела свойство постоянно распадаться на части, скатываться со стола, и тогда с шумом отодвигались кресла и мальчик лез под стол. Компьютер, находящийся здесь же, на кушетке, время от времени издавал таинственные звуки, и Тёма, предварительно извинившись, совершал скорые манипуляции на клавиатуре. «Не могу подвести серьёзных людей», – пояснил он. «Серьёзными людьми», которых Сергей Алексеевич назвал про себя бездельниками, были игроки даже и приличного возраста, как, например, «Nuket» из Германии, которому было за сорок. Игра шла не одни сутки, и прервать её было бы кощунством. Всё это отвлекало юношу и заставляло нервничать преподавателя, но где-то к середине занятия Тёма перестал ёрзать и восторженно посмотрел на Сергея Алексеевича. Разбирали предложение «Привлечённые светом, бабочки прилетели и кружились около фонаря». «Проняло наконец-то», – подумал репетитор. «Зачёт», – оценил он свои заслуги перед педагогикой. «По сто тысяч на каждого!» – с энтузиазмом воскликнул Тёма. «Тот есть?» – Сергей Алексеевич не сразу и понял. «На каждого гражданина России! По сто тысяч!» – повторил Тёма. «А, это он, кажется, про Олимпиаду. Но, позвольте, какие, к чёрту, сто тысяч? Быть такого не может!».

– Мне кажется, вы ошибаетесь, – не согласился он, невольно втягиваясь в обсуждение. – Сколько, вы говорите, всего израсходовано? ... Та-а-к... (он написал цифру на полях тетради) У вас калькулятор есть?... Впрочем, в столбик надежнее... Хм... Мы не так нули сокращаем, что ли?... сумма действительно значительная получается. Наверное, тут средства и частных инвесторов имеются в виду. Ну-ка ещё раз... Для простоты округлим: скажем, нас сто миллионов. И, скажем, триллион... Триллион – это сколько же нулей?

– Двенадцать, – послышался голос Инны Михайловны, мамы Тёмы, которая вошла в комнату за какой-то надобностью.

Сергей Алексеевич смутился и промямлил что-то вроде: вот, отвлекает сынок от темы. Снисходительного тона, впрочем, не получилось. Наоборот, вышло нечто заискивающее.

– Понимаешь, – делился он с женой в тот же день, – нехорошо как-то получилось. Наверняка мужу вечером скажет: мы ему деньги платим за то, чтобы он правописанию сына учил, а он нули вычитает.

– В самый неподходящий момент вошла, чтоб ей, – подытожил он сокрушенно,

– Не занимайся самоедством, – возразила жена. – Всё будет нормально. Ты только одевайся прилично: не забывай, что встречаются по одежке.

– Понятное дело, – согласился Сергей Алексеевич, – Они преподу, который до меня ходил, по этой причине, кажется, отказали. Какой-то заслуженный учитель, старичок, Борис Матвейч. Юноше, видите ли, не понравилось, что от него постоянно «то щами, то чесноком» пахло. Мать проговорила. Ты в суп сегодня чеснок клала?

– Это от щей из квашеной капусты пахнет, а я тебе из свежей готовлю.

Сергей Алексеевич для пущей убедительности всё-таки открыл холодильник, достал оттуда кастрюлю, снял крышку и стал нюхать.

– Ты бы лучше оправу для очков себе новую купил, – посоветовала жена, а то носишь – у Бориса Матвеевича, наверное, и то приличнее. У меня же был бонус в салон – так не пошел, упёрся.

– Знаю я ваши бонусы: одной рукой оправу дают якобы бесплатно, второй – к тебе в карман залезают. Я не миллионер, чтобы всех этих проходимцев содержать.

Сергей Алексеевич лукавил: он, как и всякий молодой человек, совсем не был против эстетики, но всё было подчинено заветной цели – покупке нового, уже собственного, а не от родителей, авто.

– У меня в носу ничего там не произрастает? – спросил он. – Представляешь, этот чудак Тёма говорит, что ему очень хотелось выдернуть у Бориса Матвеевича торчавший волосок. Когда такое в голову лезет – не корней с чередующимися гласными. Помнишь художника на Левитановских чтениях в Елисейкове?

Волосы, торчавшие вениками из носа творца, стали причиной того, что Сергей Алексеевич не решился купить у него картину. Впрочем, и денег было жалко, ведь тот шутики шутить не любил – заломил нечто совместимое лишь с астрономией за творческий продукт. Вероятно, решил одним махом покончить со своими материальными проблемами, выбрав в качестве жертвы молодоженов.

– Тебе ещё рано, – успокоила супруга, – это только у стариков бывает.

Второе занятие не выдалось сразу. Ещё в прихожей Сергей Алексеевич спросил Тёму, встретившего его с колодой карт в руках, об успехах в школе, и Инна Михайловна, находившаяся тут же, поведала, что в последней, итоговой по теме работе тот наделал «кучу ошибок». Неприятность состояла в том, что работа была на материал, который они брали с Тёмой в прошлый раз. Пахнувший кислыми щами и чесноком Борис Матвеевич тут был ни при чём. «Незачет», – мысленно констатировал Сергей Алексеевич, обругав подопечного самыми недобрыми словами.

Неудача в школе никоим образом не отразилась на настроении ученика, который уже с первых минут порывался показать Сергею Алексеевичу карточный фокус. «Мне трудно писать сегодня, – объяснил он невозможность выполнения письменной части, – у меня кисть руки болит». Пришлось войти в положение. «Ушибли, поранили?» – для приличия изобразив на своём лице участие, спросил Сергей Алексеевич. «Я сегодня весь день в карты тренировался, – искренне надеясь на понимание, пояснил Тёма, – рука онемела. Даже шевелить больно, видите?» Пришлось выполнять упражнение устно. Причем занемогший ученик время от времени машинально брал со стола колоду, которая в его «онемевших» руках начинала вести себя как живая: карты то выстраивались в гармошку, перетекая из одной руки в другую, то превращались в двухуровневый веер, то вдруг разделялись на несколько колод, которые удивительно ладно складывались в ту или иную фигуру. Помятуя о предыдущем опыте, Сергей Алексеевич холодно пресек несколько очередных попыток «показать фокус», но в конечном счете пассивность взяла верх и пришлось согласиться на передышку. Для «разогрева» Тёма, предварительно выпросив у Сергея Алексеевича тысячерублевую купюру, помахал ею у него перед глазами, несколько раз сложил, развернул и... безжалостно порвал на глазах у собственника. Затем скатал кусочки в комок и отдал ему же «на хранение». После произнесения какого-то заклинания фокусник попросил вернуть безвозвратно обесцененную бумажку. Купюра оказалась хоть и помятой, но целой, и успокоившийся Сергей Алексеевич убрал её в портмоне. Затем был продемонстрирован собственно карточный фокус, но с тем же результатом: в руках у Сергея Алексеевича оказалась совсем не та карта, которую он предполагал увидеть. «Наверняка тут простой ответ имеется», – подумал он и попросил повторить фокус. Он отложил в сто-

рону учебник, ручку, тетрадь, будто они мешали ему сосредоточиться, и впился глазами в руки Тёмы. «Делаю раз!.. – Тёма положил карту рубашкой вверх. – Делаю два!..» Рядом легла вторая карта... «Делаю три!» – сказала Инна Михайловна.

Сергея Алексеевича больше к Тёме не пригласили. Впрочем, после того, что случилось, это не казалось сюрпризом. Конечно, ему было крайне досадно обнаружить в своём портмоне фальшивую тысячерублевую купюру (в верхнем правом углу, вместо слов «*БИЛЕТ БАНКА РОССИИ*», было написано «*БАНК ЛОХОВ РОССИИ*»), но он вполне понимал справедливость такого решения.

«Пускай восходит день...»¹

«Лучи полуденного солнца, играя бликами в небольших волнах и мелкой ряби, создаваемой бризом, слепили глаза и, отражаясь на песчаной дне у берега, делали его похожим на мрамор», – по привычке отметил Сергей Александрович и тут же признался себе: «Тяжеловесно. К тому же и непонятно, дно мраморное – или берег. Писать нужно проще». Он сделал ещё несколько шагов, чувствуя, как вода поднимается по нагретому солнцем телу, оттолкнулся ногами от дна и поплыл.

Сергей Александрович, преподаватель литературного института, взрослый, если не сказать пожилой человек, приехал на остров по настоянию жены, захотевшей провести остаток лета и начало осени в Греции. Отель был не из дешёвых, сервис качественный, отдыхающие – люди спокойные и большей частью семейные. Температура воздуха редко поднималась выше тридцати градусов, и поэтому Сергей Александрович, любивший тепло, но не жару, чувствовал себя физически вполне комфортно. Но вот комфорта душевного не испытывал, и уже давно – с тех пор, как понял, что писать то, что ему самому казалось бы достойным, уже не может. Он был в том творчески незавидном состоянии, когда кажется, что всё давно уже написано и описано. Раньше он успокаивал себя тем, что не попадаете достойный сюжет, замучила текучка, но, когда сюжет, часто взятый из жизни, возникал, он, будучи честным в этом отношении человеком, ясно видел, что все, что у него выходило, напоминало повтор его же самого, когда он чувствовал зазор, присущий художнику. А между тем он читал курс лекций будущим писателям и публицистам, был известным в своих кругах автором, и жить лишь багажом прошлого ему было некомфортно, стыдно. Стыдно перед коллегами, особенно его возраста и статуса, время от времени публиковавшимися. Их статьи, монографии, художественные произведения казались ему талантливыми и достойными уже потому, что не он писал их.

Сергей Александрович был женат второй раз. От первого брака были взрослые дети, отношения с которыми у него не сложились, и Сергей Александрович винил в этом себя: наверное, недостаточно (как ему теперь казалось) внимания уделял им в том возрасте, когда оно особенно необходимо, потому что слишком любил своё дело, был тщеславен, увлекался женщинами и наконец разошёлся с матерью своих детей. Женился, как это иногда бывает, на своей студентке. Страсти, которой они не могли противостоять и которая в конечном итоге привела к разводу, уже не было, но на смену ей пришли серьёзная, хотя теперь уже спокойная любовь, чувство доверия и благодарности друг к другу. Молодая жена была женщина умная, от природы наделенная способностью уловить и понять настроение другого человека, и в трудные минуты Сергей Александрович всегда обращался к ней: она, догадываясь, чего он ждёт от неё, умела успокоить, поддержать, и если оспаривала его позицию, то делала это тактично, не обижая. В первые годы замужества Ирина относилась к мужу с обожанием: была под влиянием его таланта, авторитета взрослого и умного человека, любовалась его мужской красотой. Сергей Александрович уже и в молодости имел мужественную внешность: был высок, хорошо, почти атлетически сложен, лицо его отличалось особой фактурностью: глаза большие и умные, нос несколько крупнее обычного, с чувственными ноздрями, такие же чувственные губы и резко очерченный подбородок с глубокой ямочкой. Гордо носил он свою красивую голову с густой шевелюрой, не закрывавшей его высокий и широкий лоб. Тогда Ирина смотрела на него, как принято говорить в народе, снизу вверх. Но постепенно их отношения выровнялись и даже приобрели характер, который определяется психологами как отношение женщины-матери к своему рассеянному и не всегда практичному мужу. Нет, конечно, это было не классическим примером таких отношений, но за советом Сергей Александрович обращался

¹ Гай Валерий Катулл. К ЛЕСБИИ. Перевод А. Фета

к своей супруге гораздо чаще, чем она к нему – свидетельство того, что внешность человека не всегда вполне отражает его характер. Кстати, Сергей Александрович кое-что сделал для карьерного роста молодой супруги. Многого она, конечно, достигла сама – своей преданностью профессии, трудолюбием, талантом, но все-таки это он, используя свой авторитет, поспособствовал тому, чтобы ее взяли на кафедру...

С гидом им повезло. Это был этнический грек, в начале девяностых эмигрировавший в Грецию, выпускник Историко-архивного института, с хорошими отзывами в сети, живой, общительный человек. Было нескучно и очень интересно. Правда, каждому по-своему. Ирина слушала Константина, так звали гида, стараясь не пропустить ни одной детали, сверяясь со своими знаниями и отмечая простительные неточности, делала много снимков, надеясь использовать это в работе. Сергей Александрович по обыкновению своему обращал внимание на то, что, казалось, совсем не имело отношения к экскурсии. Сначала его интересовали причина, заставившая российских греков уезжать на историческую родину, и образование гида (среди его знакомых были выпускники Историко-архивного института, и даже сам он когда-то хотел поступать в этот вуз), потом он стал отмечать приёмы, которыми тот пользовался. Приёмы эти были слишком знакомы Сергею Александровичу: в нужный момент с воодушевлением, и не всегда фальшивым, Константин возвышал или понижал голос, к месту вставлял очередную, ежедневно повторяемую шутку, рассказывал исторический анекдот, призывал к порядку слушателей, выделяя среди них потенциально опасных, чьё настроение требовало особого внимания и даже своевременного вмешательства.

– Предание гласит: если вы сделаете три глотка из Кастальского источника, это благотворно скажется на вашем здоровье, шесть раз – к вам вернется вдохновение, девять – выиграете нечто важное или же потеряете всё. Вы скажете, сказки – не знаю, не знаю. Могу лишь положиться на свой опыт. Муза, внушившая мне любовь к прошлому, муза Клио, даёт мне возможность заниматься любимым делом уже сто-о-лько лет (последние слова были произнесены с наигранной печалью). Урания – муза астрологии и астрономии, одна из мудрейших дочерей Зевса...

– Я ничего не слышу. У нас экскурсия или пешая прогулка? – послышался ворчливый и неприятный женский голос. – Всю дорогу молчал, теперь бежим как угорелые. Непонятно, за что мы заплатили. По горам лазать я и сама умею.

Голос принадлежал женщине, которая уже и в автобусе выражала своё недовольство. Очевидно, была не в настроении в этот день, хотя понять её было можно: экскурсия действительно проводилась в довольно жестком режиме. Гид старался уложиться во времени.

– Ларочка, – обратился к ней Константин, – встаньте рядом со мной. Вы у нас сегодня за старшую группы, и мы будем вас спрашивать. Так какая же у вас муза? Уверен, вы человек талантливый, а я редко ошибаюсь в людях.

– Неважно какая, – отвечала та, польщенная его вниманием, но все ещё насупясь. – Ну, Юстиция, предположим.

– Прекрасно, это чувствуется по вашим глазам, которые жаждут справедливости. В греческой мифологии эта муза называется Фемидой.

«Ларочка», как выяснилось позже, работала медсестрой и к музе правосудия имела лишь косвенное отношение: в палате у неё лежал адвокат, которому она делала уколы. Об этом Сергей Александрович узнал совершенно случайно, услышав разговор двух женщин, ехавших с ней.

– Повторяю: три – здоровье, шесть – вызываете к вашей музе, девять – приобретаете многое или теряете всё. Встречаемся через семь минут внизу, на площадке, с которой мы начали наше движение. Время пошло! Ларочка, я вас жду! Руководите нами!

Сергей Александрович был последним и не отошёл, как остальные, а, воровато оглянувшись и заметив, что никто не смотрит на него (особенно его беспокоила жена), вернулся к источнику, поспешно сделал шесть глотков и скорым шагом присоединился к группе. «Глупо. А впрочем, какая разница: сделал – и сделал», – подумал он и был доволен тем, что никто не обратил внимание на его действия...

Искупавшись, Сергей Александрович смыл под душем морскую воду с тела, переоделся в боксе и вернулся в номер. Загорать, в отличие от жены, он не любил и никогда не мог понять, какое удовольствие получают люди от этого, как он считал, скучного занятия на глазах у посторонних. В номере же гостиницы – иное дело, и поэтому в ожидании возвращения супруги он лежал и читал. В эту поездку он ничего не взял с собой, но Ирина, зная его характер, предусмотрительно положила в своей чемодан вместе с томиком Сафо (ранее предполагалось, что они поедут на Лесбос) ещё и Бунина. И очень кстати, потому что Сергей Александрович уже начинал скучать без того, что вошло у него в привычку.

Прочитав «Поздний час», Сергей Александрович отложил книгу. Он почувствовал, что расстроился, и старался (это было ему свойственно) найти причину: то ли это было оттого, что автор написал рассказ, когда ему было уже 68 лет, и чувства, которые он испытывал, были близки Сергею Александровичу, то ли в очередной раз он ясно увидел, что значит настоящий талант, и ему стало стыдно, что кто-то (и главное – он сам) считал и продолжает считать его, Сергея Александровича Солодовникова, писателем. Поэтому он был рад, когда жена вернулась с пляжа: Ирина всегда поддерживала его и гнала «упадонические» настроения. Сергей Александрович настолько привык к этому, что иногда эксплуатировал жену, кокетничая и притворяясь более слабым, нежели был на самом деле. Впрочем, он знал меру и не переходил известную черту.

– Это «all inclusive» – просто издевательство какое-то: не успели пообедать – уже готовиться к ужину надо.

– По вашему торжественному настроению, сударыня, не скажешь, что человек подвергается изощрённым пыткам, – улыбнулся он и предложил: – Сделай перерыв – не ходи сегодня.

– Как говорит наша техничка Лариса, «деньги уплОчены», – вздохнула Ирина. – После отпуска будет перерыв. До самого Нового года.

Сергей Александрович понимал жену: не поддаваться искушению при таком изобилии от любого потребовало бы усилий. Это ведь не дома, где предложение ограничивается содержимым холодильника и где главное правило – не принести из магазина лишнее, потому что к питанию Ирина относилась серьёзно: утром – кофе с творогом, вечером – кефир с овощным салатом. Сергей Александрович в очередной раз с удовольствием отметил, что жена была в прекрасной для её возраста форме – лёгкая, с прямой осанкой, доставшейся ей в наследство от художественной гимнастики, которой она занималась в детстве.

Он был готов встать и идти, но, зная, какое значение жена придает сборам, не торопился. Включил телевизор, нашёл программу на английском языке и стал смотреть фильм, стараясь уловить суть. К выходу на публику Ирина, как и многие женщины, относилась серьёзно – тут она, несмотря на её ум, была педантом, Сергей Александрович же, который в молодости отнюдь не манкировал модой и даже любил щегольнуть в какой-нибудь импортной вещице, приобретённой «с рук», в возрасте разленился до того, что предпочитал беспрекословно следовать советам жены: ему говорили, какой галстук подойдёт к сорочке, какого цвета должны быть носки, если надеваешь кроссовки, и какого – если идёшь на работу или в театр в туфлях; что смотрится гармонично, допустимо, на грани, а что «кричит».

В ресторане царила атмосфера приятной озабоченности: перед новичками стояла непростая задача выбора, старожилы шли к лоткам уверенно, изучая блюда, которые они ещё не пробовали. Впрочем, первые шаги многие мужчины делали в сторону автомата с вином. Там же

стояла и литровая бутылка Ouzo, и предпочитавшие крепкие напитки, специальной ложечкой клали из серебряного ведёрка кусочки льда в свои бокалы и наливали туда водку.

У Сергея Александровича с женой был уже «свой» столик – на веранде, с хорошим видом на море, но сейчас на нём стоял бокал белого вина. Соседнее место освободилось, и они подождали, пока официантка, веселая, живая девушка, Нико, не сменила скатерть и не разложила столовые приборы на две персоны.

– Сергей, до-о-брый ве-е чер! – с расстановкой, почти торжественно и с удовольствием приветствовала их она, улыбаясь и блестя глазами-маслинами.

Нико училась в Афинском университете на переводчика русской поэзии, и когда Сергей Александрович сказал, что ведёт курс русской литературы, пришла в восторг: «О, Гоголь! Пушкин, Лермонтов! – да?!» Жена была без ума от неё:

– Посмотри, какой у неё профиль. У статуй на аллее такие же лица. Как она мне нравится!

– Ну вот – опасность увлечения Сафо, – подтрунил над ней Сергей Александрович, но согласился: – Да, что-то есть. Жизнерадостная девчонка.

– Нет, взгляни на её нос – у нас такое редкость, да и здесь, думаю, не часто встречается. А кожа? Шёлковая, матовая, с оливковым оттенком – видимо, это от солнца. Небольшой рот, слегка вытянутое лицо... Какие выразительные и живые глаза, а сколько грации!

– Какие, однако, у тебя восторги. И всего-то полбокала выпила, – улыбнулся Сергей Александрович и, сделав серьёзное лицо, решительно подвинул к себе тарелку, на которой возвышалось нечто многоярусное.

Жена смотрела на это «безобразие» с ужасом. Оправдываясь, он кивнул в сторону молодой итальянской пары с ребенком. Довольно грузные, они не отказывали себе в удовольствии полакомиться. Ирина только плечами пожимала: зачем брать пример с людей, не следящих за собой и к тому же молодых, вспомни свой возраст. Сергей Александрович вспоминал. И вздыхал. Надо бы собой заняться, обреченно думал он, наперед зная, к чему это приведёт: какой уж тут здоровый образ жизни, если иногда приходится по ночам работать. Да и разве в этом главное? Главное, что живёт он уже без свершений, на прежнем багаже...

За спиной Сергея Александровича послышался звук отодвигаемого стула, и мимо него к выходу меж столиков прошла молодая женщина, не высокого, но из-за стройной фигуры казавшегося высоким роста. Эту стройность подчеркивало и облегающее фигуру трикотажное платье немного выше колен, с вертикальным швом сзади, который шёл от ворота до самого низа. Сергей Александрович отметил её открытую красивую шею и прямую осанку...

Вечером, после ужина, долго гуляли по дорожкам. Старые оливы и статуи подсвечивались, и это создавало настроение покоя и гармонии. Сняв обувь, бродили по газону между корпусами с освещенными кое-где окнами. На балконах сушились полотенца, и на одном из них молча сидела пожилая пара. В это время в Греции не так душно, и потому прогулка доставляла им удовольствие. По берегу они дошли до границы участка, который принадлежал отелю, постояли на пирсе, слушая дыхание моря и любясь серебряными дорожками на воде, протянувшимися от маяков. Небо было, как всегда, высокое, звездное, и теплый воздух волнами омывал их тела, слабо вздувая легкую одежду...

На следующий день ездили на экскурсию в Афины. Гид, который, видимо, состоял в штате компании, приветствовал их бодрым голосом и теми же словами, которые Сергей Александрович слышал от него и в прошлую поездку:

– Рад познакомиться со столь уважаемой компанией. Я – ваш гид, меня зовут Константин, и нам предстоит совершить путешествие по великому городу – Афинам. Та-ак... (он окинул взглядом сидящих, заметив Сергея Александровича) среди новичков вижу старую гвардию. Напомню, что старой гвардией Наполеон называл наиболее преданных солдат, прошедших с ним огонь и воду...

Он также напомнил о правилах, которые необходимо соблюдать в дороге: не ходить по салону, не употреблять, кроме воды, другие жидкости, «а уж тем паче веселящие душу», не принимать пищу, «ибо запах...»

Первую остановку они сделали на площадке перед Акрополем.

– Мы находимся с вами у подножия Акрополя, – сказал Константин собравшейся у автобуса группе. – Шутки шутками, а первые упоминания об этом величайшем памятнике античной эпохи относятся ко временам архаики, то есть ещё до классического периода... Кстати, кому необходимо воспользоваться туалетом: он находится сразу за моей спиной. Вход туда бесплатный, но за пользование бумагой нужно будет заплатить. На всё про всё у нас есть 10 минут. Собираемся у той колонны с афишей. Группа у нас дисциплинированная, с чем спешу себя поздравить и надеюсь, что так будет и впредь. Итак, туалет за моей спиной, встреча – на противоположной стороне у колонны. Время пошло!

Сергей Александрович подивился изобретательности греков. Он представил себе, как будет рассказывать коллегам об этом «ноу-хау»: туалет бесплатный – унитазы приносите с собой. Забавно. И все-таки, если сравнивать Грецию с теми восточными и азиатскими странами, где Сергей Александрович успел побывать, разница была очевидная: греки не пристают к туристам, навязчиво предлагая свои услуги и тем самым лишая тебя независимости. Какая-никакая, а это всё-таки Европа и, что немаловажно, православная страна. Он вспомнил, как в Камбодже мальчишки, лезли к ним в лодку с какими-то экзотическими рептилиями, настойчиво требуя «зелёные бумажки» – доллары. В Египте цыганята (или бедуины, чёрт их разберёт) просачивались в автобус, казалось, сквозь щели, а одна девчонка через окно, открытое по неосторожности, вырвала из его рук пакет с водой и влажными салфетками. Хорошо, бумажник он держал в кармане, хотя и это было небезопасно. Жена сказала, что ему «ничего нельзя давать в руки», потому что он все время «глазеет по сторонам». Последнее было во многом справедливо: вот и сейчас Сергей Александрович, глядя с холма Акрополя на остатки античного театра, думал о своём. Сначала воображение рисовало ему живые картины древнего города – улицы и площади, заполненные людьми, затем перенесло в современные Афины, и он сделал нелестное сравнение в пользу ушедшей эпохи, далее – в Англию (они проезжали сегодня мимо памятника Байрону). От Байрона Сергей Александрович вернулся к мыслям о собственной персоне, с грустью вздохнул. Правда, это не мешало ему слушать и запоминать то, о чем говорил гид. Жена хорошо знала эту особенность – знала, что его рассеянный, отвлеченный, как казалось, на посторонние предметы взгляд ещё ни о чем не говорил: Сергей Александрович мог хранить в памяти такие мелочи, на которые никто не обратил бы внимание. В первые годы замужества это поражало Ирину: иногда он помнил то, что она сама рассказывала ему, не придавая значимости деталям и потому совершенно забыв о них. Но как раз эти-то детали и были важны для него в первую очередь. Объяснение она только одно могла найти: ему, как художнику, свойственно подмечать то, что может пригодиться в дальнейшем. И больше её уже не раздражало кажущееся невнимание его. Беспокоило другое – то, что имело отношение непосредственно к ней. Вот сегодня, например, в автобусе, она заметила, что Сергей с интересом следил за семейной парой с ребенком. Она знала это выражение на его лицо, и ей было если не больно, то неприятно. Сергей Александрович имел сложные отношения с детьми и тяжело переживал это. Всё было превосходно: он любил своих детей, и те отвечали ему взаимностью, – но после того, как он ушёл из семьи, что-то надломилось, они стали отдаляться от него. Его повышенное внимание стало вызывать у них чувство неловкости. Если раньше совместное проведение времени, будь то походы в театр, посещение бассейна или поездки за город, происходило само собой, то теперь дети, интуитивно чувствуя фальшь, стали бояться, что отец выступит с какой-либо инициативой. А тут ещё возраст, пресловутый «generation gap». И нет ничего хуже того, когда дети, вовлеченные в конфликт, понимают, какие вопросы можно обсуждать при матери, а каких лучше не касаться, чтобы не задеть её чувства. Ведь она так

и не вышла замуж. А если бы вышла – не хуже бы тогда было им, ещё не вставшим на ноги? Сначала Сергей Александрович делился своими переживаниями с Ириной, но когда понял, что ей это неприятно и она каждый раз раздражается, перестал советоваться с ней, замкнулся. Ирина мучилась ревностью: метания мужа мешали её мечте о полноценной семье, живущей своими интересами. Конечно, другая, более умная женщина вела бы себя иначе: не замечала или даже поощряла общение мужа с детьми, сама старалась наладить с ними отношения, – но Ирина, не встретив с их стороны понимания, более не пыталась найти к ним подход. По её мнению, лучше было оставить всё как есть, чем жить с постоянным чувством вины. И всё было бы хорошо, но настолько Сергей Александрович измучил её пятнадцатилетними переживаниями, которые с годами не утихали, как она надеялась, а даже, наоборот, порой вспыхивали с такой силой, что у Ирины опускались руки. Иногда она начинала прямо выражать свое неудовольствие, позволяла себе даже критику – женскую, необъективную, понимая, что не права, не в силах противостоять себе...

– Напоминаю вам, друзья, что мы должны уложиться в отведённое нам время и потому убедительно прошу быть внимательными и не отставать. Ларочка, прошу вас как старшую по званию быть поближе ко мне. А теперь, друзья, кто из вас ответит на вопрос: с чего начинался античный театр? Смелее, смелее. Уверен, многие знают!

– С вешалки, – послышались голоса.

– Античный театр, – с удовольствием изрёк Константин, ожидавший такой ответ, – начинался с «орхестры» (отсюда слово «оркестр») – с того места, где стоял хор, который вступал в определенный момент в игру, приуготовляя зрителя к надвигающемуся событию, которое должно было оказать решающее влияние на судьбу героя (последние слова Константин произнёс с аффектацией трагизма). А теперь (голос его приобрёл прежнюю деловито-ироническую тональность) сверим часы (он посмотрел в свой мобильник) ... Ка-акОй я молодец! Семь минут на фотосессию – и встречаемся у храма Артемиды. Па-прашу соблюдать регламент. Время пошлО!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.